

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(**Н И У « Б е л Г У »**)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Кафедра иностранных языков

Семантика и прагматика русских и английских примет

Магистерская диссертация

обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование
заочной формы обучения,
группы 02051581
Золотых Марии Андреевны

Научный руководитель

Кандидат педагогических
наук, доцент
Мусаелян Е. Н.

Рецензент

Кандидат филологических
наук, доцент
Волошкина И.А.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Введение.....	3
ГЛАВА 1. Лингвокультурная специфика народных примет	
1.1. Взаимосвязь языка и культуры.....	10
1.2. Культурная маркированность текста в языковой картине мира.....	23
1.3. Народные приметы как культурно - маркированные элементы текста и их классификация.....	29
Выводы к главе 1.....	36
ГЛАВА 2. Семантическое моделирование компонента «Животный мир» в системе английских и русских народных примет	
2.1. Построение семантической модели примет с компонентом "Животный мир".....	38
2.2. Лексико - семантическая группа "Членистоногие".....	41
2.3. Лексико - семантическая группа "Птицы".....	51
2.4. Лексико - семантическая группа "Млекопитающие".....	63
Выводы к главе 2.....	81
Заключение.....	83
Библиографический список.....	86

ВВЕДЕНИЕ.

Устное народное творчество, передаваясь в течение многих столетий из поколения в поколение, отражает исторический опыт народа, его духовный и нравственный облик, особенности национального менталитета.

Однако, несмотря на повышенный интерес к его изучению, язык фольклора продолжает оставаться недостаточно исследованной областью словесного творчества. С той или иной полнотой монографически описан язык лишь отдельных жанров, а такой жанр, как народные приметы, остается на сегодняшний день наименее изученным, что является справедливым и по отношению к сопоставительным исследованиям народных примет.

Народные приметы являются неотъемлемой частью национальной картины мира. Будучи лингвокультурными текстами, приметы образуют определенный пласт культуры отдельного этноса, отражают духовную и физическую деятельность носителей данной культуры, особенности мышления и мировосприятия представителей определенного лингвокультурного социума.

В центре нашего внимания в данной работе находится семантика и прагматика в системе русских и английских народных примет.

Диссертационное исследование посвящено исследованию русских народных примет с компонентом «зооним» в сопоставлении с английскими приметами, являющимися фоном, относительно которого определяется общее и специфичное в семантике и прагматике народных примет.

Вышесказанное определяет и стимулирует **актуальность настоящего исследования**, представляющего попытку проанализировать структуру и способы реализации семантического и прагматического значения народных примет на материале разноструктурных языков с целью выявления общих и специфических черт сопоставляемых лингвокультурных обществ на основе единых методов сравнения.

В качестве **объекта исследования** выступают английские и русские народные приметы с компонентом «зооним».

Предмет изучения составляют семантический и прагматический аспекты народных примет.

Целью исследования является изучение семантики, прагматики народных примет с компонентом «зооним» с точки зрения лингвокультурологического подхода на материале двух сопоставляемых языков (английского и русского).

В основу настоящей работы положена **гипотеза** В. фон Гумбольдта (также А.А. Потебни, Э. Сепира, Б. Уорфа, Й.Л. Вайсгербера) о том, что язык, этнос и его культура находятся в отношениях взаимной детерминации. Человек в процессе жизнедеятельности создает концептуальную систему, представляющую идеальный образ объективного мира, что находит непосредственное отображение в языке, в семантике языковых знаков, образуя языковую картину мира. Каждый язык реализует определенный способ отображения действительности в соответствии с историческим опытом данного этноса, его культурой, условиями жизни. Таким образом, языковые конструкции, а в нашем случае в качестве таковых выступают народные приметы, представляют собой универсальный инструмент познания и интерпретации культуры, ментальности того или иного народа.

Для решения поставленной цели выдвигаются следующие **задачи** исследования:

- 1) выявить из паремиологического фонда английского и русского языков корпус народных примет, репрезентующих компонент «зооним».
- 2) построить семантическую модель примет данной тематики в английском и русском языках;
- 3) проанализировать парадигматические и синтагматические связи в английских и русских народных приметах;

4) сопоставить количественные характеристики использования лексем в лексико-семантических группах лексико-семантического поля «Животный мир» в английских и русских приметах;

5) рассмотреть лексические, морфологические и синтаксические способы реализации речевых установок в народных приметах;

6) выявить концептуальные доминанты английской и русской языковой картины мира и определить на их основе национально-культурные особенности англоговорящего и русского лингвокультурных социумов.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют научные работы: В.А. Масловой, В.Н. Белоусова, В.В. Виноградова, Шамского, А.А. Потебни, В. Гумбольдта, Э. Сепира, Н.Ф. Алефиренко, Шарля Балли, А.М. Пешковского, Л.В. Щерба, Е.Д. Поливанова, И.И. Срезневского, М.А. Бакина, Н.Д. Фимины, А.В. Кунина, В.М. Мокиенко, Л.И. Богатиковой, Р.В. Патюковой, А.А. Лазуковой, А. Маккея, У. Вейнрейха, Л.П. Смита, Ма Гофаня, Вэнь Дуаньчжэн, Чжана Чжигуна, Ни Баюаня, З. И. Баранова, М. Г. Прядохина, И.В. Войцеховича, Н.Н. Короткова, А.М. Котова, В.И. Горелова, А.А. Хаматова, О.А. Корнилова, И.Р. Кожевникова, С.Ю. Сизова.

Материалом исследования послужили данные сплошной и специальной выборки народных примет из различных сборников народной мудрости, календарей природы, месяцесловов (В.И. Даль «Пословицы русского народа»; А.С. Ермолов «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах»; Г.Д. Рыженков «Народный месяцеслов»; Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев «Энциклопедия русских примет»; David Bowen «Weather lore for gardeners. A guide to the accurate prediction of local weather conditions»; E. F. Dolan «The old farmer's almanac book of weather lore: the fact and fancy behind weather predictions, superstitions, old-time sayings, and traditions»; John Paul Goldsack «Weatherwise. Practical weather lore for sailors and outdoor people»; Richard Inwards «Weather lore. A collection of proverbs, sayings and rules concerning the weather» и др.).

Поставленные в работе цели и задачи определили необходимость использования комплексной методики исследования, обусловленной спецификой самого объекта исследования. В ходе работы применялись в их взаимосвязи и взаимодействии следующие **методы**: описательный, включающий в себя наблюдения и классификацию исследуемого материала, сопоставительно-типологический, предполагающий анализ тематических и ключевых слов (концепторный анализ), метод «культурных сценариев» А. Вежбицкой.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые лингвокультурологическому анализу подвергаются народные приметы в английском и русском языках с целью установления их лингвистического и прагматического потенциала, заключающемся в исследовании синтагматических и парадигматических отношений, а также изучении лексических, морфологических и синтаксических способов реализации директивных речевых актов в приметах сопоставляемых языков с целью выявления особенностей английского и русского этнокультурных социумов.

Теоретическую значимость исследования мы усматриваем в проведении анализа и сравнения результатов научных исследований по изучению русских и английских народных примет в отечественном и зарубежном языкознании; исследовании структурной и семантической организации, функциональных и прагматических особенностей английских и русских народных примет в сопоставительном плане; расширении теории культурологической лингвистики.

Практическая значимость результатов работы. Материал исследования может быть использован в лекционных курсах по общему языкознанию, лексикологии, страноведению, в спецкурсах по паремиологии, лингвокультурологии и контрастивной прагматике, а также найти практическое применение при составлении одно- и многоязычных сборников народных примет.

Положения, выносимые на защиту:

1) Язык неразрывно связан с культурой, которая детерминирует содержание языковых единиц, а они, в свою очередь, обуславливают поведение носителей той или иной культуры. Изучение единиц культуры возможно на материале их языковой реализации (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф, Й.Л. Вайсгербер, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, Е.М. Верещагин и др.).

2) Представляя определенный пласт культуры определенного этноса, выражая стереотипы и нормы поведения членов определенного лингвокультурного социума, народные приметы являются неотъемлемой частью национальной языковой картины мира и обладают существенным лингвокультурологическим потенциалом, что позволяет использовать данные паремиологические единицы в качестве надежного источника для проведения культурно-языковых исследований.

3) Культурно-языковые характеристики народных примет могут быть охарактеризованы в межъязыковом сопоставлении при помощи культурных концептов - многомерных смысловых образований, включающих ценностный компонент.

4) Непосредственное соотнесение приметы с конкретной ситуацией позволяет ее рассмотрение в коммуникативно-прагматическом аспекте с точки зрения реализации иллокутивных актов в контексте народных примет. Следует отметить, что первоосновой любой культуры является понятийно-логический аппарат, присущий мировосприятию того или иного этноса. Каждый народ в процессе познания мира фиксирует эти элементы по-своему. Следовательно, представляется справедливым утверждение о том, что различная хозяйственная деятельность, обусловленная в первую очередь различиями в географических, климатических условиях, определяет различное мировидение того или иного народа, что находит непосредственное отражение в языковых конструкциях. На основе данной точки зрения мы строим предположение о том, что семантическая и

синтаксическая структуры народных примет, так же, как и другие языковые конструкции, детерминированы определенным способом восприятия окружающей среды того или иного этноса. Общие и различные черты английских и русских народных примет объясняются общностью и различиями национальной языковой картины мира сравниваемых народов, их менталитетом, особенностями национальной культуры.

Апробация и внедрение материалов исследования. Основные положения диссертации излагались в материалах двух научных статей, размещенных в сборнике научных статей *Experientia est optima magistra / Опыт – лучший учитель № 6: Международной научно-практической конференции* (Белгород, 2017).

Результаты и основные положения диссертации докладывались на лекционных, а также учебно-практических занятиях в Белгородском государственном университете.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения в объеме 96 страниц. Справочную часть работы составляет библиографический список, включающий как русскоязычные источники, так и англоязычные.

Во Введении раскрывается актуальность избранной проблематики описания народных примет с позиций лингвокультурологического подхода, формулируются цели и задачи работы, объект, предмет и методы исследования, определяется научная новизна исследования и область теоретического и практического применения полученных результатов, излагаются положения, выносимые на защиту.

В первой главе «Лингвокультурная специфика народных примет» анализируется взаимосвязь культуры и языка, рассматривается культурная маркированность в текстах, а так же отображается состояние изученности народных примет в зарубежной и отечественной лингвистике, освещаются их

основные признаки, функции, рассматриваются различные классификации народных примет.

Во второй главе «Семантическое моделирование компонента «Животный мир» в системе английских и русских народных примет» рассматривается структурная организация семантической модели концепта «Животный мир», выделяются и анализируются на парадигматическом и синтагматическом уровнях отдельные лексико-семантические группы примет с компонентом «зооним» в системе английских и русских примет, выявляются факторы, обусловившие особенности употребления анализируемой лексики в народных приметах. Тщательному рассмотрению подвергаются наиболее представленные лингво-семантические группы народных примет в паремиологическом фонде английского и русского языков – «Млекопитающие», «Птицы», «Членистоногие», а также особое внимание посвящено изучению прагматических особенностей народных примет в сопоставляемых языках.

В Заключении излагаются основные выводы и результаты, полученные в ходе сопоставительного анализа.

ГЛАВА 1. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

1.1. Взаимосвязь языка и культуры.

Сегодня в рамках современной лингвистики, ее новая отрасль – лингвокультурология привлекает всё большее внимание. Она сформировалась в 90-е годы XX века путем слияния языкознания со смежными дисциплинами: этнографией, этнологией и культурологией. Термин «лингвокультурология» вошел в обиход в последнее десятилетие из-за публикации работ В.И. Карасика, Ю.С. Степанова, Н.Д. Арутюновой, В.А. Масловой, В.В. Воробьева и др. Под ним принято понимать комплексную дисциплину синтезирующего вида, главной целью которой является изучение взаимодействия и взаимосвязи языка и культуры в его функционировании и отражение данного процесса как единой структуры единиц в целостности их внеязыкового (культурного) и языкового содержания при помощи системных способов и с ориентацией на современные культурные установления и приоритеты (систем общественных ценностей и норм) [Воробьев 1993: 44]. Лингвокультурологические исследования, в первую очередь направлены на изучение ментальности и культуры нации, приобретают в ходе утверждения в науке антропоцентрической парадигмы, которая ориентирована на познание проблемы репрезентации «языка в человеке» и «человека в языке» приобретают особую актуальность.

Необходимо отметить, что специфика культуры какого-либо социума наиболее явно заметны при сравнительном анализе и сопоставлении различных языков. Утверждение Ю.С. Степанова о том, что «сравнительное изучение норм двух языков показывает существующие в каждом из них словарные пробелы на семантической карте языка, «белые пятна», которые часто незаметны изнутри, особенно человеку, который говорит только на одном языке» является справедливым. Приведенная выше мысль объясняет

тот факт, что в настоящем исследовании народные приметы подвергаются в сопоставительном анализе русского и английского языков многостороннему анализу.

Как уже утверждалось известными лингвистами и учеными (Й.Л. Вайсгербером, Б. Уорфом, Э. Сепиром, А.А. Потебней, В. фон Гумбольдтом), этнос и его культура, язык постоянно пребывают в отношениях взаимной детерминации. В процессе своей жизнедеятельности человек формирует концептуальную систему, которая представляет идеальный образ объективного мира, что в свою очередь находит в языке непосредственное отображение, образуя языковую картину мира в семантике языковых знаков. Любой язык реализует некоторый метод отображения действительности согласно историческому опыту данного этноса, условиями его жизни и его культуры. Таким образом, рассматривать язык представляется справедливым как своеобразный «культурный код нации» [Маслова 2011: 3] как универсальный механизм интерпретации и познания ментальности и культуры того или иного этноса.

Заслуга в обосновании и разработке проблем лингвокультурологии прежде всего принадлежит М. Коулу, Б. Уорфу, Э. Сепиру, Й.Л. Вайсгерберу, В. фон Гумбольдту. Основы лингвокультурологических исследований заложены в их работах.

Перед тем как приступить к рассмотрению сложных взаимосвязей между главными явлениями, которыми занимается лингвокультурология, в первую очередь необходимо разъяснить такие понятия как «язык» и «культура». Слово «культура», которое произошло от латинского «culture», изначально обозначало обработку почвы, возделывание. Позже данный термин был перенесен на людей, им обозначалось его образование и воспитание, т.е. «возделывание человека» [Арутюнова 2007: 109]. Из-за очень сложной и многомерной структуры культуры, ее изучение возможно в рамках множества гуманитарных дисциплин: права, социологии, истории,

этнографии, литературы, философии, в которых есть около 300 различных определений культуры.

В узком смысле слова культура - это совокупность достижений и продуктов духовной деятельности человека, которая включает религию, искусство, образование, науку, идеологию, мировоззрение и т. п.

С позиции диалектико-материалистической философии, в самом широком смысле слова культура представляет собой комплекс всех процессов социальной жизнедеятельности человека, а также итоги этой деятельности в противопоставлении природе. Окружающая человека реальность, таким образом, предстает в виде природы и культуры. В отличие от культуры, природа - это совокупность не зависящих от человека, внешних условий его существования.

Подробное определение культуры дает Э. Сепир, в первую очередь, рассматривая это явление как совокупность разных методов деятельности человека: «Культура - это особый класс общественных явлений, организация человеческой жизни; внимание прежде всего к национальной личности и духовному внутреннему миру; совокупность в сфере духовного и материального производства методов творческой деятельности личности; способы потребления и распределения духовных и материальных ценностей, достижения в сфере организации общественных взаимоотношений, которые стимулируют прогрессивное развитие человечества» [Сепир 1993: 469].

Схожее, однако, наиболее полное определение понятия культуры предложено в философском словаре, которое в качестве рабочего определения мы принимаем: «Культура – творческая социально-прогрессивная деятельность человечества во всех областях сознания и бытия, которая представляет собой диалектическое единство процессов опредмечивания (знаковых систем, норм, создание ценностей и т. д.) и распредмечивания (освоение культурного наследия), которая направленная на преобразование реальности, на превращение во внутреннее богатство

личности, на всемирное развитие и выявление сущностных сил человека, богатства человеческой истории».

Учитывая все вышесказанное, необходимо рассматривать понимание культуры как явление синкретичное, как творческий и динамичный процесс создания людьми духовных и материальных ценностей, как итог связи человека с внешним миром и утверждения в нем. «Специальные средства обобществления, объективизации, необходимы культуре, а, следовательно, материализации идеальной производимой предметности – образов, проектов, ценностей, знаний» [Каган 1996: 269].

Язык является одним из этих способов. В лингвистической науке в отношении языка применяются такие метафоры, как «история и память народа», «самое совершенное орудие мысли», «универсальный способ общения», что показывает особый характер языка.

Термин «язык» имеет, как минимум, два взаимосвязанных понятия: 1) язык как определенный тип знаковых систем, вообще язык; 2) так называемый «идиоэтнический» или этнический, конкретный язык - некоторая существующая реально знаковая система, которая в некотором пространстве, в некоторое время, в некотором социуме применяется [ЛЭС 2002: 604].

«Язык - это не только комплекс определенных слов и их словосочетаний, морфем, фонем, морфем, которые собой представляют сложившиеся исторически виды синтаксических конструкций. Помимо этого, язык представляет собой содержательная универсальная структура, и в то же время устойчивая и непрерывно обновляющаяся» [Тарланов 1984: 3].

«Язык — развивающаяся система членораздельных (дискретных) звуковых знаков, которая возникает в обществе стихийно, способная выразить весь комплекс представлений и знаний о мире человеком, служащая в целях коммуникации» [Арутюнова, Степанов 1979: 410].

«Язык по своей реальной сущности является одновременно постоянным и преходящим в любой момент... Язык не является продуктом

деятельности, а сам представляет собой деятельность. Его истинное значение может быть исключительно генетическим. Язык является постоянно повторяющейся работой духа, которая направлена на то, чтобы для выражения своей мысли сделать пригодным артикулируемый звук. Это определение в строгом смысле пригодно для любого акта речевой деятельности, но в действительном и подлинном смысле под языком необходимо понимать только весь комплекс актов речевой деятельности».

«Язык для народа является универсальным методом общения. Он позволяет в исторической смене общественных формаций и поколений сохранить единство нации, вопреки различным барьерам социума, тем самым объединяя в социальном и географическом пространстве народ во времени» [Мечковская 1998: 36].

По мнению А.А. Реформатского, «язык немислим вне культуры, как и культура без языка немислима, они тесно связаны между собой» [Реформатский 1967: 16].

По мнению Ю.А. Сорокина, И.Ю. Морковина, О.А. Донских, Г.А. Антипова, язык среди специфично-национальных элементов культуры занимает важнейшее место. Специалисты утверждают, что язык «помогает тому, что культура как средство общения может быть, в то же время, быть механизмом разобщения людей. Язык - это знак принадлежности к определенному социуму его носителей. [Антипов 1989: 197]. Как главный признак этноса язык можно рассматривать с двух сторон: тогда, как он является как основной фактор этнической интеграции, по направлению «наружу», в этом случае он представляет собой главный отличающий признак этноса, и по направлению «внутри». Объединяя в себе диалектически эти две функции, которые являются противоположными, язык оказывается инструментом обособления «чужих» и «своих» и самосохранения этноса.

Язык, таким образом, находится в культуре тесной взаимосвязи, а проблема взаимодействия культуры и языка издавна озадачивала лучшие умы общества.

Решение проблемы взаимосвязи культуры и языка с точки зрения различных методов к данной проблематике. Язык представляет собой воплощение духовной и материальной культуры в рамках первого подхода. Для лингвистических наук имеет важнейшее значение, данный факт, поскольку открывается возможность для лингвистов-ученых выявить национально-культурные стереотипы того или иного этноса предоставляется возможность через языковые средства.

Одним из самых известных представителей этого подхода является Вильгельм фон Гумбольдт выдающийся немецкий гуманист и философ. Впервые именно Гумбольдтом был поставлен вопрос соотношения языка и духовной деятельности людей: «Язык представляет собой орган, который формирует мысль. Интеллектуальная деятельность, глубоко внутренняя, абсолютно духовная и в определенном смысле бесследно проходящая в известном смысле, материализуется в речи посредством звука и становится для чувственного восприятия доступной. Язык и интеллектуальная деятельность являются поэтому единым целым» [Перевод Г.В. Рамишвили].

К следующим положениям можно свести концепцию Гумбольдта:

- 1) в языке воплощается духовная и материальная культура;
- 2) любая культура является национальной, в языке ее характер выражен при помощи специфического видения мира; языку свойственна особая для любой нации внутренняя форма;
- 3) внутренняя форма языка - это выражение его культуры и «народного духа»;
- 4) язык представляет собой опосредующее звено между окружающим миром и человеком. Язык - это «мир, который лежит между внутренним миром человека и миром внешних явлений» [Гумбольдт 1985: 203].

Своеобразную интерпретацию концепция В. фон Гумбольдта получила в работе «Мысль и язык» А.А. Потебни, в работах Р.О. Якобсона, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Ж. Вандриеса, Ш. Балли и других специалистов. А.А. Потебня приписывает языку значение богатейшего источника знаний о культуре нации. Изучение языка, по его мнению, крайне важно, т.к.: «... известно, что добытая тяжелым трудом многих поколений, истина, затем очень легко теряется потомками, в чем и заключается суть прогресса; но менее известно, что человек этим прогрессом обязан языку. Язык также является органом мысли конкретного лица, как и условием прогресса наций...» [А.А. Потебня 1862: 182-183].

Й.Л. Вайсгербер развивая лингвистическую концепцию В. Гумбольдта, строит теорию языка как «промежуточного мира», находящегося между объективным сознанием и действительностью. Ученый также предполагает, что «... язык является не просто знаком сформированного независимо от него предположения, а собственно формирующий данную мысль орган. Непременно внутренняя и духовная, интеллектуальная деятельность, в известной мере бесследно проходящая, во внешней речи получает посредством письма непреходящее воплощение с помощью звука во внутренней речи, воспринимаемой органами чувств... язык и интеллектуальная деятельность являются неделимыми друг от друга и единым целым по данной причине» [Вайсгербер 1993: 116]. Вайсгербер обращает внимание на то, что нация строит свой язык в ходе своей истории, закладывая в него то, что являлось для него ценным в его географических и исторических условиях, в ходе роста и становления материальной и духовной культуры для того, чтобы овладеть миром и познать его.

Взглядам Й.Л. Вайсгербера крайне близка позиция школы Б. Уорфа и Э. Сепира, а также некоторых концепций неогумбольдтианцев. В частности, ученые Уорф и Сепир сформировали так называемую теорию лингвистической относительности, в базе которой находится убеждение, что люди обладают различными мировоззрениями - сквозь призму родного

языка. Реальный мир существует настолько, насколько он в языке отображается. Значит, есть смысл рассуждать о разных «языковых картинах мира».

«В направлении, котором указывает наш язык мы расчленяем природу. Те или иные типы и категории мы выделяем в мире явлений не потому, что они сами по себе очевидны, напротив, мир перед нами предстает в форме калейдоскопического потока впечатлений, который необходимо в нашем сознании организовать, а это в основном значит - языковой системой, которая в нашем сознании хранится. Мы расчленяем окружающий нас мир, распределяем его значения именно таким образом, а не иначе, организуем его в понятия, в первую очередь потому, что мы являемся участниками соглашения, которое утверждает такую систематизацию. Для определенного языкового коллектива это соглашение представляет силу и в системе моделей нашего языка закреплено. Таким образом, мы сталкиваемся с новым принципом относительности, который предполагает, что позволяют сформировать похожие физические явления сходную картину вселенной только исключительно при условиях сходства или по крайней мере при соотносительности моделей языка» [Уорф 1960: 174-175].

В гипотезе Уорфа-Сепира можно выявить следующие главные положения:

- 1) язык объясняет метод мышления, говорящего на нем нации;
- 2) от того, на каких языках познающие субъекты мыслят зависит метод познания нацией реального мира.

В исследованиях некоторых специалистов теория лингвистической относительности приобрела актуальное современное значение (Д. Хаймс, Дж. Кэррол, Д. Олфорд и др.). Однако, имеется целый ряд работ, в которых эта теория подвергается резкой критике (Э. Холленштейн, Р.М. Фрумкина, Р.М. Уайт, Г.В. Колшанский, Д. Додд, Б.А. Серебренников). Данный факт говорит лишь о том, что вопрос взаимодействия культуры и языка в силу сложнейшего состава этих явлений требует комплексного подхода в её

решении и не имеет однозначной интерпретации, которая в себя включает всесторонний анализ всех элементов взаимодействия культуры и языка.

Изучение языка той или иной нации практикуется в рамках второго подхода через призму реалий культуры этого народа. Одним из главных элементов такого анализа является языковой узус, под которым речь рассматривается как выразитель данной свойственной этнической общности культуры нации, а также речь в культуре. Необходимы знания полного комплекса культуры народа для осмысления языкового узуса, который включает в себя бытовые, географические, экономические, исторические и другие элементы. В отечественной науке исследователь Г.Д. Томахин является одним из главных представителей этого подхода, который написал целый ряд пособий и статей с богатым лингвострановедческим комментарием.

Необходимо привести цитату К. Леви-Стросс – специалиста культурной антропологии, подводя итог вышесказанному: «Язык есть продукт культуры и одновременно ее исключительно важным составным элементом, и условие существования культуры».

Таким образом, мы понимаем культуру и язык как взаимопроникающие и взаимосвязанные явления, отношения между которыми формируется взаимодействие диалектически противоречивое. Язык является проявлением культуры, неким средством выражения, материальной основой для формирования культурных ценностей. В системе приоритетов и ценностей культуры, имеющей многоступенчатый характер, язык занимает важнейшее положение при помощи потенциальных возможностей и уникальной природы. Обслуживая культуру, язык представляет собой предпосылку ее развития и возникновения, а также в контексте специфики особенностей национального метода мышления. В нашем анализе мы будем базироваться на теории В. фон Гумбольдта об отражении характера народа в языке и культуры, и попытаемся путем

исследования русских и английских народных примет, выделить их различные и общие черты, а также выявить условия формирования отличий.

Переходя от анализа взаимосвязей культуры и языка к тексту как одному из методов существования языка, крайне важно отметить, что абсолютно любой текст на себе несет следы культуры нации, которая общается на этом языке. Текст в той или иной степени в отрыве от условий реального дискурса отражает культурно-национальные особенности. Так, принято различать в современной лингвистике культурно-маркированные и культурно-нейтральные тексты и высказывания. В лингвистической литературе тексты второго типа рассматривались как текстовые реминисценции [Супрун 1995: 13] и как прецедентные тексты [Караулов 1987: 4].

Народные приметы являются культурно-маркированными текстами, поскольку играют важную роль при передаче и накоплении коллективного опыта из поколения в поколение. В семантике этих языковых знаков происходит не только категоризация и членение континуума окружающего мира, но и реализуется его переосмысление, интегрирование в систему ранее приобретённой историко-социальной информации нового знания, формирование оценочно-эмоционального отношения соответствующего культурного сообщества к нему. Именно в таком смысле, в первую очередь, необходимо рассматривать народные приметы как лингвокультурные тексты и как часть лингвокультурологического познания. В качестве подтверждения этой мысли целесообразно привести цитату О.А. Корнилова, которая состоит в следующем - «язык – важнейшая и неотъемлемая часть любой национальной культуры, полноценное знакомство с которой обязательно подразумевает не только анализ материальной составляющей данной культуры, не только понимание ее экономической, географической, исторической и прочих детерминант, но и попытку взглянуть на окружающий мир глазами носителей данной культуры, с их «точек зрения», проникновения в ход мышления нации. Сделать это возможно только в

случае, если язык, на котором говорят представители этого культурного социума будет узан» [Корнилов 1999: 77]. В своей книге «Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики» Анна Вежбицкая подход к проблеме взаимосвязи национального характера и языка весьма наглядно демонстрирует, выделяя «культурные сценарии» на материале лозунгов, вывесок, объявлений, текстов объявлений и т.д. разных лингвокультурных социумов. В моем исследовании я хочу попытаться при изучении прагматических специфик русских и английских примет использовать способ «культурных сценариев» А. Вежбицкой, рассматривая этот тип паремий как лингвокультурные тексты, которые включают информационный богатый материал для определения национальной специфики русского и английского народов.

Народные приметы, кроме того, представляют собой очень специфический метод отражения картины мира нацией, раскрывая логику мышления, мироощущения, мировосприятие той или иной нации перед нами. По утверждениям О.А. Корнилова, «знакомство с любой культурой, ее познание всегда в некотором смысле будут неполными и даже поверхностными, если в рамках внимания человека, который к этой культуре обратился, не окажется такого основополагающего компонента, как национальная логика мирооценки и мировосприятия, склад мышления народа» [Корнилов 1999: 77]. Национальную картину мира Г.Д. Гачев описывает таким образом: «...какой «сеткой координат» эта нация осмысливает мир и, следовательно, какой космос (в древнем понятии слова: как миропорядок и строй мира) формируется перед его глазами. Этот специфичный «поворот», в котором бытие этой нации предстает, - и является национальным образом этого мира» [Гачев 1988: 44].

Под картиной мира современными специалистами подразумевается «целостный образ мира, который в процессе контактов человека с окружающей средой возникает у него с целью его понимания и презентующий главные характеристики мира в познании ее носителей,

другими словами, это – субъективный образ объективного мира» [Фесенко 1999: 107].

Картина мира представляет некоторую модель мира, таким образом, сложившиеся в ходе множества контактов человека с внешним миром с целью понимания и освоения окружающей реальности. Отношение человека к реальности определяет именно картина мира, стратегию его жизнедеятельности, влияет на формирование системы ценностей человека.

Принято различать языковую и концептуальную мира. Под концептуальной картиной мира подразумевается целостная, глобальная, целостная, постоянно конструируемая система информации (знаний и мнений) об универсуме, которой обладает индивид [Павиленис 1983: 280]. Е.С. Кубрякова считает, что концептуальная картина мира является «функциональным своеобразием в интеллекте и психике человека на ментальном уровне» [Кубрякова 1988: 169]. Термин понятийной и культурной картины мира трактует С.Г. Тер-Минасова в отношении концептуальной картины мира ее как «отражение реальной картины окружающего мира через призму понятий, которые сложились на базе представлений людей, полученных при помощи органов чувств, которые прошли через индивидуальное и коллективное сознание» [Тер-Минасова 2000: 41].

Ученый отмечает специфику культурной картины мира и объясняет это явление такими факторами как образ жизни, традиции, верования, социальное устройство, история, природные условия, климат, география и т.п.

Вербализованная часть концептуальной картины мира составляет языковую картину мира. По определению Е.С. Кубряковой, это знания «в языке» и «о языке». Слова, как сам автор утверждает, «в своем комплексе развертывают определенную картину мира перед нами, в сознании говорящих присутствующую» [Кубрякова 1997: 13], но не в полном объеме,

так как в языке остается только та информация, которая является наибольшей ценностью для представителей этого языкового континуума.

Интересно мнение В.А. Масловой, согласно которому «языковая картина мира не стоит в ряду со специфическими картинами (физической, химической и др.) мира, она формирует их и им предшествует, потому что человек может благодаря языку понимать самого себя и окружающий мир, в котором утверждается историческо-общественный опыт - как национальный, так и общечеловеческий. Первый и определяет на всех уровнях особую специфику языка» [Маслова 2001: 65].

По утверждению В.А. Масловой, «любой естественный язык показывает некоторый способ организации и восприятия («концептуализации») мира. Значения, выражаемые в нем, складываются в некоторую целостную систему мнений, некоторого рода коллективную философию, которая всем носителям языка навязывается в роли обязательной всем» [Маслова 2001: 65]. Человек, таким образом, видит мир сквозь призму своей языковой картины мира, определяемой особенностями языка носителя. «Зафиксированное в лексике некоторого языка национально-специфическое точка зрения всего сущего», как считает О.А. Корнилова формирует языковую национальную картину мира, «...где в понятие видение вкладываются понятия и оценивания, и чувствования, и логическое осмысление, а в понятие сущего - не только лишь материальный реальный мир, но и все, что человеческое сознание, привносит в него» [Корнилов 1999: 143].

В том числе, В.А. Маслова подчеркивает, что понятие «языковая картина мира» является метафорой, «ибо в реальном мире специфические особенности языка нации ... формируют для носителей данного языка не какую-то неповторимую, иную картину мира, отличную от существующей объективно, а только особую окраску этого мира, определенную национальной значимостью процессов, явлений, предметов, выборочным

отношением к ним, которое следует из национальной культуры, образа жизни, специфики деятельности данного народа» [Маслова 2001: 66].

Для человека в языковой картине мира задерживается самая главная, наиболее значимая информация. Как хорошо известно, основной частью национальной картины мира являются культурные ценности, которые представляют из себя базовую категорию при ее формировании, и репрезентирующие вид культуры того или иного общества (Арутюнова 1999; Карасик 1994].

Народные приметы, таким образом, эксплицируя отдельный пласт культуры некоторого этноса, отражают физическую и духовную деятельность носителей этой культуры, обычаи и традиции данного культурного социума, национальную логику миропонимания и мировосприятия.

1.2. Культурная маркированность текста в языковой картине мира

Гуманитарная современная парадигма, язык в рамках которой рассматривается не только как некоторый тип знаковых систем, но и как некий культурный код народа, породило вопрос о тексте, подразумевая его как единицу культуры. Сопоставительное изучение оригинала текста на другом языке и его перевода дает возможность раскрыть наличие двух типов информации в тексте – фактуальной (явной), и скрытой (подтекстовой/ концептуальной), что основывается логически на существовании двух уровней языкового выражения мысли в тексте – имплицитного и эксплицитного. Эксплицитным типом мысли принято считать такую структуру (форму), которая этой языковой единицей или системой таких единиц ясно выражена без ее преобразования. Под имплицитной принято принимать такую структуру (форму) мысли, которая не дана непосредственно рассматриваемым языковым выражением, но в нем предполагается в нем, предполагается им или окружающими его иными

языковыми выражениями, посредством интерпретации выводится из них [Молчанова 2007: 31].

Для объективного восприятия текста подчас выявление подтекстовой, концептуальной, скрытой информации важнее, чем фактуальной информации, которая буквально лежит на поверхности, т.к. именно имплицативность показывает культурно-национальную самобытность замысла автора и дает в процессе межкультурного общения возможность раскрытия глубинных отличий. В большинстве случаев информационные потребности собеседника не удовлетворяются эксплицитным уровнем текста. При создании речевого акта или текста авторы (бессознательно и сознательно) применяют те культурные феномены, к которым апелляция коннотативно и денотативно прозрачна для носителей этой лингвокультуры. При этом стилистические функции и лексическое значение примененных языковых культурно-маркированных единиц в оригинальном тексте не всегда для инофона понятны, не знакомы с общим отношением к нему в этой культуре, ни с денотатом, ни с прагматическим аспектом применения лексем, что ведет к разрушению принципа сотрудничества, которая подразумевает прозрачность речевого акта. В границах даже одного текста есть возможность проанализировать большое количество текстовых имплицатов-компонентов, формирующих имплицитный смысл путем расхождения между тем, что выражено вербально на эксплицитном уровне текста, и тем, что в каждом конкретном элементе имплицитно подразумевается. Одним из самых ярких явлений имплицитности художественного текста как обладателя культурной информации может являться применение для создания образности описания культурно-маркированных языковых единиц посредством таких стилистических приемов, как сравнение, эпитет, метонимия, метафора.

Популярность в литературном тексте устойчивого образа объясняется ёмкостью и краткостью глубинного смысла, его способностью, которая базируется на правилах лингвистической экономии, совмещать в себе

конвенциональную формулу регулярной системной аккумуляции (свертки) знаний и понимания объекта и его критериальных свойствах, которые базируются в терминах предыдущих поколений на фиксации аналогичного опыта, но с поправкой на отдельный контекст употребления [Молчанова, 2007: 36].

Высокий уровень аллюзивности текстов, в большом количестве случаев реализуется посредством применения профессионализмов, сленговых выражений, терминов, этнонимов, топонимов, собственных имен, реалий, часто имеющих характер прецедентный. Однако, национальная особенность таких языковых явлений за пределами данной культуры заключается в их ограниченном применении, что подразумевает необходимость для переводчика отделения того фактора лексического значения (прагматического, коннотативного (образно-мотивированного), денотативного), который в данном контексте наиболее актуален. Несомненно, что наиболее важный для реализации номинативной функции лексической единицы её денотативный аспект значения, так как он всегда ориентирован предметно. Анализ культурно-маркированных единиц, ориентированных на раскрытие значения денотата, выделяет слова-реалии. Будучи словами (и словосочетаниями), называющими объекты, характерные для жизни (быта, культуры, социального и исторического развития) одного народа и чуждые другому, слова-реалии наиболее ярко отражают национальную специфику, уникальность культуры [Влахов 2006: 59-60]. Однако сопоставительное исследование функционирования языковых реалий в оригинале и переводе текста позволяет выявить значительные расхождения в восприятии как денотативного компонента наименования. Подобные информативные проблемы связаны напрямую со спецификой развития и формирования национальной лингвокультуры, что приводит к пониманию важности культурной компетенции в ходе обучения иностранному языку.

Трансляция специфической культурной информации представляет собой одной из самых тяжелых проблем практики и теории перевода. Есть

достаточно большое количество работ, в некоторой мере раскрывающих данный вопрос, однако малоисследованным остается ее лингводидактический аспект. Одной из главных проблем, появляющихся при разработке в процессе перевода культурно-специфической информации методических моделей обучения, представляет собой отбор языкового материала. Актуальным, в связи с этим, представляется анализ динамики подходов к пониманию того, что составляет базу культурной маркированности языковой единицы и каким способом информация, которая является культурно-значимой закрепляется в языковых единицах определенного уровня. Обычно, под культурно-маркированными языковыми единицами подразумеваются словосочетания и слова, имеющая способность «выступать к конкретным культурам в приложении».

В разработку вопроса культурной специфики вербального знака большой вклад внесли работы В.Г. Костомарова и Е.М. Верещагина. Они заложили основу лингвострановедения, значение языковой единицы в рамках которого изучается на базе познания внеязыковой действительности с органической связи языка, что отражается в «способности языка в себе отражать всю историю нации-носителя, специфику среды функционирования, особенности его духовной и материальной культуры». Согласно с концепцией фоновых знаний, разработанной Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым, базу культурной особенности языковых единиц формирует лексический фон, который подразумевается, как «элемент лексической семантики, который ответственен за хранение, преобразование, накопление, а также в какой-то степени за активное производство культурно-национальной информации». В последнее время та тенденция прослеживается в классификационном и типологическом описании некоторых разновидностей текста, которая связана с особой социокультурной определенностью текста. Культурологическая особенность, специфика текстов, обусловленные идеологически, национально-психологически, культурно-исторически, должны и могут подразумеваться

как один из критериев к изучению текстов в ориентированных прототипически подходах. Национально-языковой, культурологический критерий может внести в выявление типичных (инвариантных) периодически повторяющихся в похожих коммуникативных ситуациях текстовых признаков. Для постановки такого рода проблем теоретической предпосылкой в мировой науке безусловно является общая тенденция ставить в центр антропоцентрических гуманитарных исследований культуру и исходить из взаимосвязи двух семиотических систем: культуры и языка.

Культурная маркированность сегодня рассматривается вообще, как основное свойство текста и как еще один дополняющий ее традиционную модель критерий текстуальности. Это значит признание того факта, что языковая особенность текстов есть специфика одновременно культурно-значимая. Итак, как критерий текстуальности культурная маркированность означает признание любой языковой особенности или, иначе, языковой сути культурно-значимой спецификой.

Вопросы диалога культур и языковой, национально-культурной самобытности, отражаемого языком — одни из наиболее активно обсуждаемых и актуальных сегодня. Сам вопрос межкультурной коммуникации стал увеличиваться подобно размерам кругом от брошенного камня на воде, и все новые стороны языковых феноменов в центре исследований, которые рассматривается с точки зрения интеркультурного взаимодействия. Анализ постоянно увеличивающегося потока публикаций (зарубежных и отечественных) позволяет в данной области два главных направления исследований, с одной стороны — межкультурную лингвистику текста, с другой — межкультурную прагматику. Межкультурная прагматика занимается проблемой сравнения реализации сходных речевых актов в одинаковых контекстах в разных культурах и языках — например, английский (британский или американский) язык часто сравнивают с немецким. При этом в центре интереса исследователей оказываются культурные и языковые контрасты, а целью научных изысканий

в контрастивной прагматике является решение проблемы, что же можно считать универсальным свойством — сами принципы и стратегии реализации речевых актов или же только соответствующее употребление. После изучается на так называемом *lingua franca* речевая коммуникация, когда носители различных ментальностей, культур и языков, говорят на одном неродном языке для любых участников общения. В центр внимания — это исследовательское направление выдвинулось в связи с тенденцией глобализации с превращением английского языка в язык международной взаимосвязи. Для ученых и специалистов предметом описания и изучения является имеющее в данном случае место взаимодействие как межъязыковых факторов, так и контрастивно-прагматических. Главный интерес в сфере научной коммуникации национально-языковых особенностей. Выбор как языка вербализации научного результата английского языка — это преимущественного выбор положения на «рынке продажи научного труда». Почти автоматически выбор английского языка означает, что текст — вербализованные в нем мысли в международном масштабе становятся элементом научного диалога. Исследования в сфере психолингвистики, психологии, социологии подтверждают, что есть представление — стереотипизированное в известной степени — о различных речевых и интеллектуальных стилях. Так называемый «тевтонский» (*Teutonic*) или по-иному германский (академический стиль) противопоставляется англо-американскому «саксонскому» (*Saxonic*) интеллектуальному стилю. Совместно с ними говорится и об специфических «японском» (*Nipponic*) и «французском» (*Gallic*) стилях мышления.

Особой чертой научной «германской» традиции принято при этом считать подчеркнутую теоретичность изложения, при которой без отрыва от целой теории не приводятся эмпирические данные. По мнению некоторых специалистов, результатом этого является, известная элитарность трудов немецких академиков: трудными для чтения традиционно признаются тексты немецкоязычных ученых. Они в значительной степени считаются

адресантноцентричными в значительной степени т.е. монологичными. Англосаксонскому научному стилю, наоборот, свойственен приближающийся к научно-популярному, диалогичный стиль — «толерантный к адресату». Это можно понимать так, что научный немецкий научный текст — написанный немецким специалистом и по-немецки — в качестве прагматической доминанты имеет установку на сообщение знания. Ответственность за осознание текста при этом неравномерно распределяется между читателем и автором. Для автора текста – немецкого ученого не стоит цель сделать его понятным, но понять текста является полностью ответственностью читателя. И напротив, научные тексты, которые были написаны англо-американским автором по-английски, для чтения считаются легкими, т.к. сконцентрированы не на его содержании (глубинная степень текста), но на форме и методе его внешнего представления читателю.

Можно, таким образом, сделать вывод, что сегодня, в эру глобальной коммуникации, ведущей за собой размывание языковых и культурных границ, одним из лавных направлений лингвистических современных становится вопрос передачи самобытности национального текста при переводе. Поскольку, являясь между реальностью и познающим субъектом промежуточным миром, язык определяет такую форму миропонимания при помощи своих внутренних форм, лингвокультурологический анализ языковых культурно-маркированных в художественном тексте ставит вопрос о важности создания особого вида культурно-языковой компетенции – компетенции переводчика, состоящей из навыка образно интерпретировать мотивированные единицы языка при помощи соотнесения их с видами национальной культуры.

1.3. Народные приметы как культурно маркированные элементы текста и их классификация.

Перед тем как начать рассмотрение проблемы о классификации народных примет и их основных свойств, необходимо уточнить сам термин «народная примета».

В американской и английской паремиологии по отношению к народным приметам применяется термин «lore», который в толковых словарях английского языка определяется следующим образом:

- «a body of traditions and knowledge on a subject or held by a particular group, typically passed from person to person by word of mouth» - базовая часть знаний и традиций по определенной теме, которые сохраняются и передаются от человека к человеку некоторой группой людей в устной форме;

- «a set of traditional facts or beliefs» [Хокинс 2007: 415] — комплекс передаваемых из поколения в поколение традиционных поверий;

- «knowledge or old beliefs, not written down about a particular subject» [LDELC 1992: 785] — старые верования или ненаписанные знания по некоторой теме;

- «knowledge or information about a subject, for example nature or magic, that is not written down but is passed from person to person» [LDCE 2003: 560] – информация или знания по теме, например, о магии или природе, которые в письменной форме не фиксируются, а устно передаются от человека к человеку.

Англоязычные фольклористы, говоря о народных приметах, применяют также понятия «belief», «popular belief», «folk belief» — народные поверья. Понятие «belief» английские толковые словари определяют как: - «something one accepts as true or real; a firmly held opinion or conviction» [NODE 2001: 158] - то, что признано реальностью или правдой; прочно укрепившееся убеждение или мнение;

- «an idea which is considered true, often one which is part of a system of ideas» [LDELC 1992: 98] – часто одна из целой системы идей, идея, которая считается правильной.

Фольклорист Ф. Деметрио (F. Demetrio), хорошо известный в Европе, определяет народные поверья и приметы таким образом: «folk beliefs are a significant expression of the cognitive, affective and conative life of a people» [Demetrio 1969: 27] - народные поверья и приметы - важное отображение исконной, эмоциональной, познавательной жизни нации. Он выделяет такие главные группы народных примет: путешествия (travel), молния и гром (thunder and lightning), беременность (pregnancy), посадка злаковых и деревьев (planting of trees, cereals), атмосфера и небо (sky and atmosphere), насекомые (insects), животные (animals), свадьба (marriage), урожай (harvest), народная медицина (folk medicine), сновидения (dreams), болезни (diseases), смерть (death), прием пищи или питание [Demetrio 1969: 27-50].

Часто рассматриваются народные приметы в английском языке в контексте суеверий — «superstitions». Superstition:

- «a belief or action that is not based on reason or evidence» [Хокинс 2007: 716] – действие или убеждение, которое не основано на очевидности или здравом смысле;

- «a widely held but unjustified belief in supernatural causation leading to certain consequences of an action or event, or a practice based on such a belief» [NODE 2001: 1864] – неподтвержденная, но широко распространенная вера в сверхъестественную деятельность, которая ведет к некоторым последствиям, обычаям, событиям или действиям, базирующимся на этой вере.

Любопытно, что приметы в русском языке ранее трактовались как случай, явление, признак, предвещающих что-либо, рассматривались исключительно в контексте суеверных представлений (толковые словари Н.Ю. Шведовой, С.И. Ожегова, Д.Н. Ушакова, В.И. Даля). Данный факт, вероятно, объясняется тем, что во времена Советского Союза тема веры в Бога и связанных с ней гаданий, народных поверий, религиозных обрядов и т.п. была запрещенной и закрытой. Изучать народные приметы начали только в 90-е годы с моментом перехода на новую демократическую модель общества. Появляются конкретные статьи О.Б. Христофоровой, В.К.

Харченко, Е.Г. Павловой, С.А. Токарева, Г.Л. Пермякова, монографии Н.Н. Фаттаховой.

Так, в современной отечественной паремиологии подразумевают примету, суть которой – в предсказании будущего, как клишированное изречение с прогностической доминантной функцией [Павлова 1984: 294; Пермяков 1975: 256]. О.Б. Христофорова примету определяет, как «истолкование некоторой ситуации..., которое для построения своего поведения применяется носителями традиции» [Христофорова 1998].

Народные приметы, согласно определению Н.Н. Фаттаховой, представляют «устойчивые конструкции, в которых с природной средой конкретного этноса запечатлен коллективный опыт взаимоотношений, и построенный на базе этого опыта предсказание-прогноз» [Фаттахова 2004: 4].

Таким образом, принимая во внимание приведенные дефиниции выше, можно предложить следующее определение народных обычаев и примет: народные приметы являются устойчивыми структурами, которые зачастую, выражают в метеорологических явлениях прогноз на базе в результате продолжительного взаимодействия с внешней средой эмпирического опыта этноса.

Что касается свойств народных обычаев, в этом вопросе вновь можно опираться на научные работы Н.Н. Фаттаховой посвящённых исследованию народных примет. Так, в роли главных признаков обычаев выступают следующие:

- 1) примета способна существовать вне контекста, обладает собственной семантикой, имеет вид предложения;
- 2) в качестве референта обычаев выступают ситуации, а не конкретные предметы;
- 3) приметы «привязаны» только к одной ситуации, содержат прямую мотивировку;
- 4) приметы отображают условно-временные отношения.

Изучая свойства примет, необходимо обратиться к классификации Г.Л. Пермякова [Пермяков 2008: 88-89], выделяющего семь главных прагматических функций паремий: орнаментальную, развлекательную, негативно-коммуникативную, магическую, прогностическую, поучительную, моделирующую. К приметам из них отнести орнаментальную, поучительную и прогностическую функции. Помимо поучительной (воспитательной) и прогностической функции В.К. Харченко также выделяет регуляторную функцию, которая помогает организации трудовых процессов [Харченко 1992: 75 - 78]. Помимо выше указанных функций можно также выделить познавательную, эстетическую, трансляционную, кумулятивную функции. Рассмотрим наиболее подробно каждую из них.

Итак, основной функцией, которая свойственно народным приметам, является предсказательная или прогностическая функция, главная суть которой заключается в прогнозировании будущего. Исследователи Н.Н. Фаттахова и Н.А. Андрамонова, справедливо дают характеристик предсказаниям, которые в народных обычаях и приметах содержатся, как «концентраты опыта и знаний, прошлых поколений, которые предназначались для последующих» [Андрамонова 2009: 7]. Из этого закономерно вытекает другая функция народных обычаев - кумулятивная, которая отражает ход накапливания предшествующими поколениями опыта. С вышеупомянутой функцией имеет тесную связь трансляционная функция, которая реализует передачу многовекового объема знаний новым поколений от старых и обеспечивающая между ними преемственность. Регуляторную функцию, которая характеризует факт влияния на представителей лингвокультурного конкретного общества, можно рассматривать в качестве наиболее важной. Так, примета и обычаи являются своеобразным регулятором жизненного быта крестьян, который зачастую задает определенную программу действий, которая предлагается участникам того или иного языкового сообщества и регламентирует действия человека. Примета может побуждать, запрещать, предостерегать, убеждать на

совершение конкретного действия, что отражает его высокую степень прагматической значимости. С регуляторной функцией связана воспитательная, которая стимулирует создание в поведении и мышлении конкретных стереотипов, которая в ключевых жизненных ситуациях сообщает нормы поведения. Следующая функция - познавательная, которая информативное содержание обычаев и примет актуализирует. Эстетическая функция является последней. Меткий подбор слов, наличие ритма, рифмы, применение в приметах метафор способны у реципиента вызывать эстетические чувства от повторения данных микротекстов и прослушивания. Кроме того, вышеуказанная функция стимулирует повторением примет, что обеспечивает устойчивое запоминание некоторых жизненных правил.

Закономерно, на основании рассматриваемых выше функций народных примет, говорить о том, что примета или обычай как полифункциональный знак способен к реализации функций не только языка, но и культуры, которая показывая тем самым лингвокультурологический огромный потенциал.

Переходя к проблеме о классификации народных обычаев и примет, необходимо привести классификацию Н.Н. Фаттаховой [Фаттахова 2004: 29-30], которая выделяет предложения с желаемыми и ожидаемыми следствиями.

Исследователь первую группу называет прогностическими приметами, т.к. они базируются на периодических наблюдениях, вторую группу представляют иррациональные или суеверные приметы, т. к. связь между явлениями в первую очередь устанавливается на мифических представлениях. Автор различает сельскохозяйственные и метеорологические приметы среди прогностических примет: «В какую сторону ложится скот, с такой стороны и будет дуть ветер», «Бежит зверье из лесу неведомо куда — к засухе», [Копейка 2004: 50]. Внутри любой группы примет также происходит деление на краткосрочные и долгосрочные. У долгосрочных примет, например, связь явлений характеризуется достаточно большим отрезком времени, в отличие от краткосрочных, которым наоборот

свойственны коротким периодом времени. Н. Н. Фаттахова разделяет суеверные приметы на сельскохозяйственные, погодные, бытовые. Например: «На Рождество Христово метель - пчелы хорошо роиться будут» [Даль 2003: 353].

О.Б. Христофорова предлагает несколько другую классификацию, которая выделяет пять главных видов примет в зависимости от "поведения" элементов культурного и природного окружения человека:

- 1) природные и метеорологические явления;
- 2) «поведение» материальных объектов и предметов;
- 3) поведение птиц, животных и иных представителей фауны;
- 4) поведение человека;
- 5) приметы-предчувствия, базирующиеся на ощущениях тела.

Самой известной классификацией русских народных обычаев и примет, которые в своем составе содержит зоонимы, является классификация А.С. Ермолова. Он делит «по животным приметы на погоду» на следующие категории: приметы по разным беспозвоночным и насекомым; приметы по земноводным и гадам; разные мелкие пичужки; хищные птицы – ночные и дневные; приметы по цаплям, аистам и журавлям; разная болотная и водяная птица; приметы по ласточкам и жаворонкам; приметы по воробьям, приметы по кукушкам и соловьям; приметы по голубям; приметы по воронам, галкам, грачам; приметы по уткам и гусям; приметы по курам и петухам; приметы по диким животным; приметы по мышам; приметы по кошкам; приметы по собакам; приметы по свиньям; приметы по овцам; приметы по крупному рогатому скоту; приметы по ослам, верблюдам, лошадям и т.п.

Таким образом, для нашего исследования были выбраны следующие группы примет с элементом зооним английского и русского языков: приметы по птицам, приметы по членистоногим, приметы по млекопитающим.

Выводы к главе 1.

Если подвести итоги первой главы, необходимо отметить главные выводы, вытекающие в результате проведенного исследования:

- Предшественники современных специалистов-лингвистов внесли значительный вклад в решение вопроса лингвокультурологии. Было установлено, что его культура, этнос, язык находятся в отношениях взаимной детерминации. Каждый язык реализует конкретный метод отображения действительности в соответствии с историческим опытом этого этноса, условиями жизни, его культурой.

- Для лингвокультурологических исследований огромный интерес представляют народные приметы, поскольку открывают возможность изучения особенностей национальной культуры конкретного этноса, его менталитета, осознания и восприятия мира. Приметы, будучи лингвокультурными текстами, эксплицируют отдельный пласт культуры конкретного этноса, отражают физическую и духовную деятельность носителей такой культуры, особенности мировосприятия и мышления представителей конкретного лингвокультурного социума.

- Приметы, представляя собой образование вторичной номинации, реализуют когнитивную обработку об окружающей реальности некоторых знаний, выступая в роли дополнительного метода языковой репрезентации существующих концептов. Приметы эксплицируют исключительно те концепты, которые представляют собой ядерную часть концептосферы языка, применяемого носителями определенной культуры, и представляют собой самую важную часть национального понимания репрезентантов этой культуры.

Представление в паремиях какого-либо концепта свидетельствует о принадлежности данного концепта системе всей культурной общности, говорящей на этом языке.

- В сознании человека формирование концептов осуществляется благодаря его чувственному непосредственному опыту, языковому общению, предметной деятельности человека, мыслительным операциям с иными концептами, уже имеющимися в понимании человека, самостоятельному пониманию значений языковых единиц, которые на основе научной и экспериментально-познавательной деятельности усваиваются человеком.

- Отражение и формирование концептов связано непосредственно с ходом бытовой деятельности человека, таким образом, с наивной картиной мира и бытийным способом концептуализации мира соотносятся концепты. Т.к. народные обычаи и приметы представляют собой вербальный метод репрезентации паремии, концептов также соотносятся с наивной картиной мира как инструмент ее отражения.

ГЛАВА 2. СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТА «ЖИВОТНЫЙ МИР» В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ПРИМЕТ

2.1. Построение семантической модели примет с компонентом "Животный мир"

Перед тем, как приступить к изучению семантической модели концепта «Животный мир», а также репрезентации его в народных обычаях и приметах, на мой взгляд, необходимо, уточнить понятия лексико-семантической группы (ЛСГ) и лексико-семантического поля (ЛСП).

Опираясь на данные Лингвистического Энциклопедического Словаря, можно сказать, что лексико-семантическое поле (также в лингвистической литературе применяется понятие «семантическое поле») является «рядом парадигматически взаимосвязанных слов или их некоторых значений, которые имеют интегральный (общий) семантический признак в своем составе и различающийся как минимум по одному дифференциальному свойству» [ЛЭС: 234].

Под семантическим полем И.М. Кобозева понимает «комплекс языковых единиц, которые связаны общностью содержания и отражают функциональное, предметное и понятийное сходство обозначаемых явлений» [Кобозева 2000: 99].

Помимо этого, И. М. Кобозева выделяет следующие главные признаки семантического поля:

- 1) наличие между словами, составляющими его, семантических отношений;
- 2) системную тенденцию данных отношений;
- 3) взаимоопределяемость и взаимозависимость лексических единиц;
- 4) некоторая автономность поля;
- 5) непрерывность обозначения его смыслового пространства;

б) взаимосвязь в пределах всей лексической системы семантических полей [Кобозева 2000: 99].

С именем известного немецкого специалиста Моста Трира связывают создание теории поля. Согласно этой теории, на каждое «понятийное» поле, которое соответствует области конкретных понятий, накладываются слова, которые разделяют его и «словесное» образующие поле. Каждое слово при этом получает смысл исключительно как элемент соответствующего поля.

ЛСГ представляет менее большое образование слов. Под ЛСГ, опираясь на работы И.П. Слесаревой, можно понимать «объединения слов с учетом их смысловой схожести на парадигматической оси» [Слесарева 1976: 80].

Еще в работах М.М. Покровского была затронута мысль распределения слов по конкретным группам. Ученый объяснил концепцию о распределении слов, опираясь на основе различные и общие свойства в их значении, что позже в учении о лексико-семантических группах получило свое развитие.

В.В. Виноградовым были сформулированы главные положения ЛСГ, в работах Ф.П. Филина было отражено детальное описание ЛСГ. Отдельными проблемами изучения ЛСГ, а также иных тематико-понятийных групп в разное время занимались Э.В. Кузнецова, П.Н. Денисов, А.А. Уфимцева, С.Д. Кацнельсон, Д.Н. Шмелев, В. А. Звегинцев, В.И. Кодухов и другие исследователи.

В народных приметах достаточно широко представлена семантическая модель примет с составляющей «Животный мир», что можно объяснить высоким уровнем чувствительности к погодным условиям отдельных животных.

В семантической модели «Животный мир» ядерное положение отведено лексеме «животное». В толковых словарях английского и русского языков слово «животное» понимается как живое существо, которое имеет способность передвигаться самостоятельно и питается готовыми органическими соединениями.

Структура семантической модели примет с компонентом «Животный мир» создается за счет лексем, которые пребывают в гиперо-гипонимических или родо-видовых отношениях. В данном случае в роли гиперонима выступает живое существо, а слова – в качестве гипонимов: земноводные, пресмыкающиеся, насекомые, птицы и т.д., которые возможно условно разделить, опираясь на отношения «человек-животные», на четыре парадигматических ряда: 1) промысловые животные; 2) сельскохозяйственные животные; 3) дикие животные; 4) домашние животные.

Каждая из лексем ЛСГ «Животный мир», как показывает анализ паремий, актуализирует общее содержание слова «животное» и является обозначением независимого рода, который, как и иные виды животных, принадлежит к животному миру.

Анализ английских и русских народных примет позволяет установить, что наблюдается разное деление тематических доминант в семантической группе. Вероятно, это обуславливает разнообразием животного мира России и Англии, количеством в фауне стран сравниваемых языков указанных животных, а также ценностными свойствами, значением животных в жизнедеятельности русского и англоязычного народов. Так, в англоязычном лингвокультурном сообществе наиболее значение, согласно нашим эмпирическим данным, придается поведению насекомых (паука, гусеницы, муравья, комара), птиц (аиста, жаворонка, кукушки, ласточки), диких и сельскохозяйственных животных. Особое значение в сельском хозяйстве имеют птицеводство, овцеводство, пчеловодство. Высокая частотность употребления следующих лексем зафиксирована среди диких животных: мышь, лиса, заяц, в связи с этим можно сделать вывод, что в английском лингвокультурном обществе широкое распространение получило развитие промысловой деятельности, а именно, охоты.

В русском лингвокультурном обществе можно наблюдать несколько другое положение вещей: значимую роль играют птицы (соловей, жаворонок,

галка, ласточка, грач, воробей, журавль, ворона) и сельскохозяйственные животные. Наиболее развиты в сельском хозяйстве следующие отрасли: разведение крупного рогатого скота, птицеводство, пчеловодство. Также в этнокультурном русском обществе можно наблюдать более широкий круг развития промысловой деятельности, чем в английском этнокультурном обществе: рыболовства и охоты, на что прямо указывает большое количество употребления лексем рыба и заяц.

Итак, семантическая модель с элементом «Животный мир» является обширным слоем очень древних слов, которые отличаются своей уникальной устойчивостью и высокой информативностью. Наличие в словах вышеназванного ЛСП образного компонента объясняют интерес лингвистов к изучению в условиях контекстуального окружения реализации природной лексики.

Концепт «Животный мир», как уже было отмечено выше, необходимо относить к универсальным группам концептуальной картины мира, т.е. в формировании картины мира каждого общества он является основным, на всех этапах его развития, присущ любому этносу. Вероятно, эти факты и объяснили увеличение интереса в последние время к «животной» лексике в работах зарубежных и российских специалистов (С.А. Курбатова, Сайд Альяффар, Д.И. Хисбуллина, Л.Е. Щербакова, И.А. Попов)

2.2. Лексико - семантическая группа "Членистоногие"

Называющей членистоногих в английском и русских языках, более частотной лексемой лексико-семантической группы, является лексема «паук / spider». Паук - «плетущие паутину, хищное членистоногое» [Ожегов 2006: 496]; spider - «a small animal with eight legs that spins webs to catch insects on which it feeds» [Хокинс 2007: 683].

В народных обычаях и приметах сравниваемых языков с лексемой «паук/spider» широко применяются каузативные глаголы, которые реализуют

значение какого-либо активного действия: «прятаться», «рвать», «плести», «ткать», «располагать» / «destroy», «clean», «remove», «break off», «build», «change».

Как правило, объект воздействия этих глаголов, является предметным. В подавляющем большинстве случаев это имена вещественной семантики, в частности: лексема «паутина / web»: К теплу пауки ткут паутину в сторону юга, к похолоданию – к северу [Рыженков 1991: 95]; Если в зимний период пауки ткут свою паутину очень деятельно, бегают взад и вперед, дерутся друг с другом, вешаются на новых нитях, это значит, что холод наступит через 9-10 дней; оттепель будет - если пауки спрячутся [Грушко 2003: 109]; Через три дня пойдет дождь, если паук не плетет паутину [Панкеев 1977: 150]; Если пауки уносят свою добычу из паутины или рвут свои сети, то непременно будет гроза [Грушко 2003: 65]; When spiders build new webs, the weather will be clear [Freier 1989: 85]; Spiders generally change their webs once in every twenty-four hours. If they make the change between 6 and 7 p.m., expect a fair night. If they change their web in the morning, a fine day may be expected [Inwards 1994: 147]; If spiders break off and remove their webs, the weather will be wet. If spiders make new webs and ants build new hills, the weather will be clear [Inwards 1994: 147]; When the spider cleans its web, fair weather is indicated [Inwards 1994: 147]. В данной группе самым частым является глагол «прясть / spin»: Если паук прядет много паутины – пойдет дождь [Грушко 2003: 84]; You can expect rain when spiders spin webs in the grass during Indian summer [Dolan 1988: 205].

Синонимичный ряд глаголов со значением «уходить, оставлять, покидать» («leave», «forsake», «abandon») употребляется в английских приметах очень активно. Например: You can expect rain when spiders abandon their webs [Dolan 1988: 205]; If garden spiders forsake their webs, it indicates rain [Freier 1989: 24]; If spiders leave their webs, expect rain [Freier 1989: 85]; When spiders forsake their webs one day, look for rain the next [Sloane 1963: 57]; If garden spiders forsake their cobwebs, rain is at hand [Inwards 1994: 148].

В лексико-семантическая группа слов, которая обозначает членистоногих также входят такие лексемы, как: «кузнечик», «блоха», «шмель», «овод», «слепень», «оса», «тля», «светлячок», «мошка», «таракан», «муравей», «жук», «бабочка», «комар», «муха», «пчела», «сверчок» / «gnat», «fly», «cockroach», «chrysalides», «butterfly», «beetle», «scorpion», «locust», «lady-bug», «katydid», «cricket», «woodlice», «wasp», «hornet», «glow-worm», «firefly», «bug», «вее» и др. является сема «насекомое», для которых является интегральной. Насекомое — «маленькое членистоногое беспозвоночное животное» [Ожегов, 2006: 392]; insect - «a small animal with six legs, no backbone, and a body divided into three parts (head, thorax, abdomen)» [Хокинс 2007: 367].

При прогнозирующем наблюдении важным в английских обычаях и приметах является появление насекомых, а в русских то, предпочтение каким цветам отдают насекомые: The early appearance of insects indicates an early spring and good crops [Freier 1989: 84]; Если насекомые садятся на цветок горюцвета – к дождю, если летят мимо него - к ясной погоде [Рыженков 1992: 99]; Дрема и жимолость облеплены насекомыми, сильно пахнут — дождь начнется через 12-15 [Рыженков 1992: 100]; Ожидай непогоду, если кружится много насекомых вокруг желтой акации [Грушко 2003: 6].

Для обоих языков частотной является лексема «пчела / вее». Пчела - «жалящее общественное перепончатокрылое летающее насекомое, которое перерабатывает нектар в мед [Ожегов 2006: 635]; bee - «a stinging insect with four wings that makes honey» [Хокинс 2007: 62].

В русском языке важным критерием классификации является временная характеристика, которая способна быть связана:

1) с временем года: на холодную зиму пчелы осенью плотнее залепляют лоток воском, если зима будет теплая - оставляют его открытым [Грушко 2003: 111];

2) с месяцем года: весна будет мокрой и дождливой, если пчелы зашевелились в январе [Копейка 2004: 15]; В июне пчелы рады цветению, а люди лету [Копейка 2004: 72];

3) с частью суток: пойдет дождь, если пчелы возвращаются в улей поздно вечером [Рыженков 1992: 103];

4) с определенным днем месяцеслова: к теплой долгой осени, пчел выносят на Благовещенье [Даль 1997: 549].

В русском языке с лексемой «пчела» активно сочетаются глаголы движения: «пойти», «прятаться», «улетать», «вылетать», «лететь», «слетаться», которые зачастую уточняются обстоятельственными детерминантами, характеризующими свойство «направление движения». Обстоятельные детерминанты представлены сочетаниями предлога с существительным, обычно описывающие места жизнедеятельности пчел: «в поле», «в улей», «в ульи», «из ульев», «к ульям» и т.п. Например: скоро дождь, когда пчелы активно летят к ульям [Ермолов 1995: 102]; Быть хорошей погоде, если пчелы рано вылетают из ульев [Рыженков 1992: 106]; Жди вскорости дождя, если пчелы слетаются к ульям [Копейка 2004: 79]; Дождя не будет, если пчелы продолжают работу и не прячутся в ульи с приближением туч [Рыженков 1992: 106]; Если пчелы улетают в поле стаями, следует ждать ведро [Грушко 2003: 31]; Тот хлеб будет хорош, на какой пошла пчела [Грушко 2003: 114].

В русском языке значение глагола «летать» способно передаваться однокоренными существительными «взлет», «лет» с атрибутами «вечерний, поздний, ранний»: Завтра будет нелетная погода для пчел, если сегодня они летают поздно вечером [Рыженков 1992: 102]; К красной весне - ранний лет пчел [Рыженков 1992: 110]; К ранней весне – ранний взлет пчел [Лютин 1993: 23].

Из глаголов движения в английском языке активными являются глаголы: «get out» (вылетать, выходить), «enter» (залетать, заходить), «leave» (покидать, уходить). Например: When many bees enter the hive and none leave

it, rain is near [Inwards 1994: 146] If bees set out in February, the next day. will be windy and rainy [Inwards 1994: 13];.

В русском языке с лексемой «пчела» в предикативной сочетаемости частотными являются глаголы локализирующего значения «садиться», «сидеть», уточняющиеся обстоятельственными детерминантами; а также глаголы, описывающие звуки, которые пчелы издают: «гудеть», «жужжать», например: Пчелы сидят в пчелы перед дождем; [Рыженков 1992: 102]; Вишни уродятся, если пчелы садятся на цветы вишни; ягод не будет, если пчелы не селятся на них [Грушко 2003 : 41]; Будет сильная жара, если пчелы сидят на стенках ульев [Грушко 2003: 114]; К хорошей погоде, если пчелы в ульях во время ненастья жужжат и в сильном движении [Рыженков 1992: 106]; Если пчелы гудят роем на цветущей рябине следует ждать ведро [Грушко 2003: 31]; Если пчелы жужжат громче, то пойдет дождь [Грушко 2003: 84].

С лексемой «bee» (пчела) в английском языке сочетаются глаголы состояния «remain» / «stay» (оставаться), уточняемые обстоятельственными детерминантами: If bees stay at home, rain will soon come. If they fly away, fine will be the day [Dolan 1988: 120]; When bees stay close by the hive, rain is close by [Dolan 1988: 121]; If bees remain in their hives or fly a short distance, expect rain [Freier 1989: 36].

И в английском и русском языках с лексемой «пчела / bee» предикат «swarm / роиться» активно сочетается, который описывает большое скопление пчел. Причем он встречается в обоих языках в отрицательной форме: Перед бурей пчелы не роятся [Грушко 2003: 24]; Bees will not swarm before a rain [Freier 1989: 36]. Необходимо заметить, что в английском языке форма этого глагола схожа с формой существительного «рой/swarm»: A swarm of bees in July does little more than bring a dry [Dolan 1988: 121].

В русском языке в предикативной сочетаемости можно также зафиксировать прилагательное «злой», которое употребляется в сравнительной и краткой форме: Гроза будет непременно, если пчелы

нападают на всякого и злы [Грушко 2003: 65]; Засуха будет непременно, если пчелы чаще жалят и становятся злее [Грушко 2003: 103].

Необходимо обратить внимание на то, что в английском языке с данной лексемой примет намного меньше, чем в русском, это, скорее всего, объясняется широким развитием пчеловодства в нашей стране.

Частотной в обоих языках для существительных ЛСГ «членистоногие» является - атрибутивная сочетаемость с прилагательным «early/ранний», актуализирующим темпоральность: К хорошему урожаю гречи - ранние мухи [Грушко 2003: 196]; К хорошей погоде - ранние бабочки [Грушко 2003: 15]; Early insects, early spring, good crops [Freier 1989: 59]; обозначающими размер насекомых, с прилагательными: «крупный», «мелкий» / «small», «little»: Нужно ждать мороза, если среди мелких тараканов-прусаков появляются белые [Грушко 2003: 335]; К хорошему году - крупный комар [Грушко 2003: 134]; If little flies or gnats be seen to hover together about the beams of the sun before it set, and fly together, making, as it were, the form of a pillar, it is a sure token of fair weather [Inwards 1994: 149]; Atoms or small flies swarming together and sporting in the sunbeams give omen of fair weather [Inwards 1994: 148]; а также с прилагательными, которые описывают окрас насекомых: «желтый», «белый» / «white», «black»: На холод – желтые бабочки, на тепло - белые [Грушко 2003: 15]; When little black insects appear on the snow, expect a thaw [Inwards 1994: 149]; When the white butterfly flies from the south-west, expect rain [Inwards 1994: 149]. Прилагательные употребляются активно в обоих языках, в котором возникают определенные насекомые, образованные от названий месяца: «fall» (осенний) / «майский»: Fall bugs begin to chirp six weeks before a frost in the fall [Freier 1989: 85]; К урожаю хлебов – много майских жуков [Грушко 2003: 97].

Лексемы ЛСГ в русском языке, обозначающие различных членистоногих, сочетаются с прилагательными, которые дают качественную характеристику этим животным: «чистый», «сытый»; а также с прилагательными, которые дают им характеристику по родо-видовым

свойствам: «навозный», «луковый», «крылатый». Например: Пшеница уродится - если весной муравей выйдет чистый и сытый [Грушко 2003: 195]; Если показались крылатые муравьи — время сеять овес [Грушко 2003: 195]; Жди ведро, если луковые мухи откладывают яйца [Лютин 1993: 42]; Если над тропинками и лесными дорожками летает навозный жук, это верный знак хорошей погоды [Грушко 2003: 97].

Темпоральная характеристика английских и русских обычаев и примет содержит указание на:

1) время года: к продолжительным оттепелям - среди зимы проснулись мухи [Лютин 1993: 11]; Готовь лукошко, если летом много мошек (то есть уродится много ягоды) [Грушко 2003: 194]; Летом под печкой сильно кричит сверчок – к дождю, зимой – к снегу, к теплу [Ермолов 1995: 106]; Если тле зимой гладко (большое количество снега), то и в сусеке будет гладко (большое количество хлеба) [Рыженков 1992: 115]; Если муравьи летом наносят большие кучи, то ожидай холодной и ранней зимы [Грушко 2003: 194]; Fall bugs begin to chirp six weeks before a frost in the fall [Inwards 1994: 148] If in autumn the flies repair into their winter quarters, it presages frosty mornings, cold storms, and the approach of winter [Inwards 1994: 148]; Many gnats in springs indicate that the autumn will be warm [Inwards 1994: 149]; If flies in the springs or summer grow busier or blinder than at other times, or are seen to shroud themselves in warm places, expect either hail, cold storms or rain, or much wet weather [Inwards 1994: 148];

2) на конкретный месяц года: быть мягкой зиме, если комары в ноябре [Рыженков 1992: 109]; If in the beginning of July the ants are enlarging and bidding up their piles, an early and cold winter will follow [Inwards 1994: 146]; Gnats in October are a sign of long fair weather [Inwards 1994: 149]; When flies swarm in March, sheep come to their death [Inwards 1994: 18]; When gnats dance in March, it brings death to sheep [Inwards 1994: 18].

3) на определенную часть суток: Ночью пойдет дождь, если комары кусаются особенно больно вечером [Грушко 2003: 134]; Назавтра будет

ведро, если комары вечером летают кучками на одном месте, то опускаясь, то поднимаясь, овес толкут [Ермолов 1995: 104]; Если кузнечики сильно стрекочут вечером – следует ждать ведро [Грушко 2003: 31]; К ведру - если вечером мошकारа «толчет мак» (собирается столбами в воздухе) [Рыженков 1992: 105]; The clock beetle, which flies about in the summer evenings in a circular direction, with a loud, buzzing noise, is said to foretell a fine day [Inwards 1994: 149].

В русских обычаях и приметах можно выделить еще одну категорию — с указанием слова на конкретный день месяца: Ко дню Анны муравьи делают большие муравейники — следовательно, зима будет холодная [Панкеев 1997: 152]; К хорошей погоде – первые комары на Лукерью [Лютин 1993: 41]; Муха до Ильина дня кусает - питается; после Ильина дня - запасается [Даль 1997: 555]; Светляки появляются на Ивана Купала [Даль 1997: 553].

В народных обычаях и приметах английского языка активно применяются функтивные глаголы, которые обозначают функционирование существа, предмета, а не его деятельность: «shine» (светить, сверкать), «glow» (сверкать, блестеть). Например: If glow-worms shine much, it will rain [Inwards 1994: 144]; When the glow-worm glows, dry, hot weather follows [Inwards 1994: 144]. Причем значение данных глаголов способно выражаться в форме метафоры: When the glowworm lights her lamp, the air is always damp [Inwards 1994: 144].

Кроме того, в обычаях и приметах как английского, так и русского языков можно выделить достаточно частое использование предиката «роиться / swarm», описывающие скопление в воздух насекомых: Будет ведро - если осы быстро летают и роятся [Грушко 2003: 235]; Жди тепла, если на закате роятся комары [Грушко 2003: 134]; When ladybugs swarm expect a warm [Sloane 1963: 30]; You can expect rain when ladybugs swarm [Dolan 1988: 205].

В обоих сравниваемых языках глаголы движения являются достаточно частотными: «get down» (спускаться), «withdraw» (уходить), «migrate» (переселяться, мигрировать), «travel» (перемещаться), «fly» (летать), «come» (появляться, приходить), «заходиться» / «crawl» (ползать), «бегать», «лететь», «полететь», «подниматься». Например: К ведру - если божья коровка взлетает на палец с ладони, а затем полетит вверх [Ермолов 1995: 101]; К оттепели, если зимою летают по избе мухи [Рыженков 1992: 96]; Если по верхушкам травы бегают осенью муравьи, то снег будет глубоким и зима будет ранняя; жди бесснежной долгой зимы, если по низу травы бегают [Грушко 2003: 195]; Если оводы высоко летают, следует ждать ведро [Грушко 2003: 31]; К дождю - вши оживились (заходились) [Грушко 2003: 50]; When scorpions crawl, expect dry weather [Inwards 1994: 148]; When the butterfly comes, comes also the summer [Inwards 1994: 149]; If gnats fly in compact bodies in the beams of the setting sun, expect fine weather [Inwards 1994: 149]; When ants travel in a straight line, expect rain; when they scatter, expect fair weather [Sloane 1963: 29]; Expect stormy weather when ants travel in lines, and fair weather when they scatter [Inwards 1994: 146]; When ants migrate away from low ground, it forebodes rain [Freier 1989: 84]; Ants withdraw into their nests and busy themselves with their eggs before a storm [Inwards 1994: 146]; Ants sometimes set down fifteen inches from the surface before hot weather [Inwards 1994: 146].

Глаголы «sting / жалить» и «bite / кусать» употребляются активно: Блохи кусают сильнее перед дождем [Грушко 2003: 78]; Если овод скотину кусает сильнее – пойдет дождь [Грушко 2003: 84]; К ненастью, если больно кусают и льнут мухи [Даль 1997: 571]; Будет гроза, если мухи делаются докучливее и кусаются сильнее, чем всегда [Ермолов 1995: 99]; Перед дождем шмели и осы сильнее жалят [Грушко 2003: 235]; Wasps and hornets biting more eagerly than usually, is a sign of rainy weather (Признак дождливой погоды, если осы и шмели жалят сильнее, чем обычно) [Ермолов 1995: 103]; Flies bite more before a rain [Dolan 1988: 120]; Flies

bite greedily before a rain [Freier 1989: 45]; If flies sting and are more troublesome than usual, a change approaches [Inwards 1994: 148]; If gnats bite sharper than usual, expect rain [Inwards 1994: 149].

В приметах и обычаях для составления прогноза внимание обращается на активность и появление разных насекомых, а также на их появление в больших количествах: Если ос много, то засуха будет непременно [Грушко 2003: 103]; К урожаю грибов - много мошек [Грушко 2003: 62]; Готовь коробов (корзин для ягод), если много комаров; много мошек — готовь лукошек (корзины для грибов) [Даль 1997: 566]; Жди завтра дождя, если много комара [Грушко 2003: 168]; Ячмень поспел для жатвы, когда появляются светляки [Рыженков 1992: 115]; Если много мух, то будет большой урожай огурцов, много хлеба и черники на следующий год [Грушко 2003: 196]; Летом будет засуха, если ранним летом много кузнечиков [Грушко 2003: 145]; К урожаю хлебов - много майских жуков [Грушко 2003: 97]; Много будет ячменя, если много стрекоз [Грушко 2003: 333]; The early appearance of butterflies indicates fine weather [Freier 1989: 59]; It is a sign of good weather when fireflies are seen in great numbers [Dolan 1988: 205]; Fir-trees in great numbers indicate fair weather [Inwards 1994: 149]; Wasps in great numbers and busy indicate warm weather [Inwards 1994: 146]; If woodlice run about in great numbers, expect rain [Inwards 1994: 148]; If gnats fly in large numbers, the weather will be fine [Inwards 1994: 149]; House flies coming into the house in great numbers indicate rain [Inwards 1994: 148]. При прогнозировании важным является и то, какими строят свои муравейники и гнезда различные насекомые: Жди сухого леса, если в открытых местах осы строят свои гнезда [Грушко 2003: 235]; Hornets build nests high before warm summers, and low before cold and early [Inwards 1994: 146]; Wasps building nests in exposed places indicate a dry season [Inwards 1994: 146]; An open ant hill indicates good weather; a closed one, an approaching storm [Dolan 1988: 122]; Ants building sand cones around holes,

expect rain [Freier 1989: 45]; An open ant-hole indicates clear weather; a closed one, an approaching storm [Inwards 1994: 146].

В приметах и обычаях большое внимание уделяется звукам, которые производят насекомые: К непогоде, если жужжат жуки [Даль 1997: 571]; Будет дождь, если в тихий вечер жужжат и летают навозные жуки [Ермолов 1995: 100]; Зимой сильно трещит сверчок — к снегу и теплу; Если затрещали полевые сверчки, ведро следует ждать [Грушко 2003: 31]; Жди дождя, если жужжат слепни [Грушко 2003: 218]; Если кузнечики сильно стрекочут вечером – следует ждать ведро [Грушко 2003: 31]; Наутро будет хороший день, если трещат кузнечики поздно вечером [Ермолов: 105]; Запасайся плащами, если запищали комары; Перед дождем комары звенят пронзительнее и громче [Рыженков 1992: 101]; Будет дождь, если жужжат мошки [Ермолов 1995: 104]; When crickets chirp exceptionally, wet is expected [Freier 1989: 85]; Crickets chirp faster when warm and slower when cold [Sloane 1963: 30]; When crickets chirp unusually, wet is expected [Inwards 1994: 149]; Listen to the katydid. When its chirp goes from "Katie-did" to "Katie", there will be frost in ten days [Dolan 1988: 154]; When the katydid says "Kate," he announces ten days till a frost [Sloane 1963: 30]; Locusts sing when the air is hot and dry [Freier 1989: 21]; If the clock beetle flies circularly and buzzes, it is a sign of fair weather [Freier 1989: 85].

2.3. Лексико - семантическая группа «Птицы»

Очень обширна вторая ЛСГ - «птицы». Она в себя включает такие лексемы: «robin», «pea-fowl», «peacock», «hawk», «guinea hen», «dotterel», «fulmar», «hedge-sparrow», «petrel», «woodcock», «wren», «kingfisher», «swan», «crane», «rook», «raven», «crow», «magpie», «titmouse», «pigeon», «martin», «swallow», «sparrow», «drake», «duck», «goose», «fowl», «cock» / «трясогузка», «кулик», «тетерев», «гагара», «коростель», «иволга», «камышевка», «стриж», «удод», «сыч», «чибис», «глухарь», «рябчик»,

«соловей», «журавль», «грач», «ворона», «сорока», «синица», «голубь», «ласточка», «воробей», «утка», «гусь», «петух», «курица» и другие.

Фундаментальная лексема «птица / bird». Птица - «позвоночное животное с крыльями покрытое пухом и перьями, клювом и двумя конечностями» [Ожегов 2006: 630]; bird — «an animal with feathers, two wings, and two legs» [Хокинс 2007: 71].

В языке русских обычаев и примет лексема «птица» имеет форму «птичка», а также очень часто применяются существительные «пичуга», «пташка», которые определяются как «маленькая птичка, птица» в толковом словаре [Ожегов 2007: 630; 519]. Например: К хорошей погоде – птички рано утром щебечут [Ермолов 1995: 91]; Будет урожай конопли, если пташки летят на конопляник [Даль 1997: 551]; Сорок птиц прилетают на Сорок Мучеников. На Русь пробираются сорок пичуг [Даль 1997: 548].

Народные приметы особое внимание для прогнозирования погоды фиксируют на гнездах птиц. В русских обычаях и приметах значимым является то, из чего и где птицы строят гнезда, а в английских приметах - как именно (охотно или нет, быстро или медленно) к своим гнездам летят птицы: К холодному лету, если весной птицы вьют свои гнезда на солнечной стороне дерева, к теплому лету - на теневой [Рыженков 1992: 110]; К холодной зиме, если в гнездах зимующих птиц много соломы, сухой травы, пуха [Рыженков 1992: 109]; If birds that dwell in trees return eagerly to their nests, and leave their feeding-ground early, it is a sign of storms [Inwards 1994: 132]; If birds return slowly to their nests, rain will follow [Inwards 1994: 132].

Птицам в приметах и обычаях английского языка также уделяется большое внимание. По поведению птиц было зафиксировано огромное количество примет, которые предсказывали хорошую или плохую погоду. Например: When birds oil their feathers, expect rain [Freier 1989: 39]; When birds huddle at the top of a chimney top, it is a sign of cold weather [Freier 1989: 39].

Во многих приметах в русском языке, базирующихся на изучении перелетных птиц, большое значение имеет время их отлета и прилета, какими и как они возвращаются обратно из южных стран: Хлеба будут хорошие, если весной птицы из теплых стран возвращаются с длинными хвостами, жди недорода, если с короткими [Грушко 2003: 363]; К суровой зиме - ранний отлет птиц на зимовку, к мягкой зиме и поздней осени - ранний [Рыженков 1992: 109]; К урожаю - дружное и обильное возвращение птиц весной [Грушко 2003: 248].

В сопоставляемых языках также можно отметить схожие приметы в сравниваемых языках, базирующиеся на резкой остановке пения птиц: Жди грома, если приумолкли птицы (за три часа до грома птицы перестают петь) [Рыженков 1992: 89]; Если птичий гомон умолкает - непременно будет гроза [Грушко 2003: 65]; When birds stop singing, a storm is on the way [Freier 1989: 40]; If the birds are silent, expect thunder [Inwards 1994: 132].

Лексико-семантическую группу «птицы» можно разделить на две парадигматические категории: 1) дикие птицы и 2) домашние птицы. Парадигматическая категория «домашние птицы» в себя включает такие лексемы как: «соск», «петух» / «hen», «курица» и др.

Лексема «курица» в русском языке в парадигматическом ряду «домашние птицы» является частотной, причем достаточно часто применяется существительное «наседка», а существительное «петух» используется для обозначения самца курицы: К ненастью - наседка под себя скликает цыплят [Даль 1997: 571]; Ожидай холод, если петух стоит на одной ноге [Лютин 1993: 8]. В русском языке большая группа примет сформирована на наблюдении за действиями данных домашних птиц, за движениями их тел: Курица вертит хвостом и машет крыльями - на метель [Лютин 1993: 11]; К морозу, если куры садятся рано на насест, и тем холоднее будет, чем выше они забираются [Рыженков 1992: 94]; К ненастью, если курицы ощипываются [Ермолов 1995: 74]; Скоро снег выпадет, если петух тянет хвост [Копейка 2004: 112]; К хорошей погоде, если меж собой

дерутся петухи [Грушко 2003: 253]. Необходимо отметить, что лексема «hen» (курица) в английских языках употребляется исключительно редко, более часто используется существительное «cock» (петух). Например: If cocks crow late and early, clapping their wings unusually, rain is expected [Inwards 1994: 133]; If the cock goes crowing to bed, he'll certainly rise with a watery head [Inwards 1994: 133].

Особое внимание в русских приметах обращается на то, в какой период дня петух поет: К перемене погоды, если петух поет вечером [Лютин 1993: 17]; К ненастью, если петух поет ночью не вовремя [Даль 1997: 571]; К дождю, если петух запел до 9 часов вечера летом [Грушко 2003: 252]; Погода изменится, если петух часто поет днем [Ермолов 1995: 73].

И в английских и в русских приметах важное значение для составления прогноза отводится такому явлению, как линька домашних птиц: If the cock moult before the hen, we shall have weather thick and thin; but if the hen moult before the cock, we shall have weather hard as a block [Inwards 1994: 133]; Не спеши с севом, если петух линяет с хвоста; сей рано утром, если петух линяет с головы [Грушко 2003: 266]; К холодной ранней зиме, если куры начинают рано линять, осень будет сухой, если они долго не линяют [Копейка 2004: 104]; Зима будет ранняя, если куры линяют рано с осени [Рыженков 1992: 110].

Лексема «fowl» (домашняя птица) активно употребляется в английских приметах, когда в русских она практически отсутствует. В английских приметах поведение домашней птицы часто предсказывает дождливую, сырую погоду: If fowls huddle together outside the henhouse instead of going to roost, there will be wet weather [Freier 1989: 88]; If fowls grub in the dust and clap their wings, or if their wings droop, or if they crowd into a house, it indicates rain [Freier 1989: 88]; If fowls roll in the sand, rain is at hand [Goldsack 1986: 144].

В обоих исследуемых языках наиболее широко используемыми лексемами второго парадигматического ряда являются: «дятел /

woodpecker», «лебедь / swan», «журавль / crane», «голубь / pigeon», «воробей / sparrow», «жаворонок / lark», «ласточка / swallow», «кукушка / cuckoo», «грач / rook», «ворон, ворона / crow, raven».

Чаще всего в английском и русском языках объектом становятся птицы-обитатели сельских и городских ландшафтов. Интересен факт, что схожее поведение воробьев, а именно шумное и активное поведение указывает на противоположную погоду: в английских приметах – на дождь, в русских – на хорошую погоду. Например: *If the sparrow makes a lot of noise, rain will follow* [Freier 1989r: 17]; К хорошей погоде, если воробьи драчливы, подвижны, веселы [Грушко 2003: 45].

Русской лексеме «ласточка» соответствует английские два синонима - «martin» (городская ласточка) и «swallow» (ласточка) и: *If swallows touch the water as they fly, rain approaches* [Inwards 1994: 138]; *When martins appear, winter has broken* [Inwards 1994: 138]; *No killing frost after martins* [Inwards 1994: 138].

Большое количество идентичных примет с лексемой «ласточка / martin, swallow» как в английском так и в русском языках, которые прогнозируют дождь по высоте полета ласточек над поверхностью земли: На дождь - ласточки шныряют низко [Даль 1997: 571]; К ветру и дождю - ласточки низом разгонялись [Рыженков 1992: 101]; К дождю - ласточки летают над самою землею [Ермолов 1995: 85]; *Martins fly low before and during rainy weather* [Inwards 1994: 138]; *Swallows fly low before a rain* [Dolan 1988: 120]; *Swallows high staying dry. Swallows low wet will blow* [Bowen 1978: 59]; *Swallows fly close to the ground before a rain* [Sloane 1963: 32].

В сравниваемых языках большинство примет с лексемой «голубь / pigeon, dove» прогнозируют сырую погоду и дождь. Например: К дождю, если голуби купаются [Грушко 2003: 57]; К ненастью, если голуби прячутся в ведро [Даль 1997: 571]; *If pigeons return home slowly, expect rain*

[Freier 1989: 88]; Pigeons stay close to their quarters before rain [Freier 1989: 39]; Pigeons wash before rain [Inwards 1994: 135].

Как в английском, так и в русском языках в меньшей степени активно в изучаемых народных приметах используется лексема «синица / titmouse». Причем очень часто в русском языке применяется форма «синичка»: Синичка пищит — холод накликает, зиму вещит [Миронов 1991: 157]; Жди мороза, если с утра синичка начинает пищать [Лютин 1993: 6].

Частотными и в английском, и в русском языках являются лексемы «ворон / raven», «ворона / crow». Например: К ненастью, если ворона купается [Даль 1997: 571]; Жди перемены погоды, если на дереве ворон кричит на разные голоса [Грушко 2003: 48]; If starlings and crows congregate together in large numbers, expect rain [Inwards 1994: 138]; If the raven crows, expect rain [Freier 1989: 17]. Собирательное существительное «воронье» часто используется в русских приметах: К ненастью, если галье (воронье) под тучи взбивается [Даль 1997: 569]. Необходимо отметить, что в обоих языках лексемы «утка / duck» и «гусь / goose» используются очень часто вместе, причем во множественном числе: На стужу или холод гуси и утки и прячут голову под крыло, к оттепели, если в мороз хлопают крыльями [Лютин 1993: 10]; Будет дождь, если гуси и утки ныряют в воде часто (а в снегу – зимою) [Грушко 2003: 350]; If ducks and geese fly backwards and forwards, continually plunge in water, and wash themselves incessantly, it is a sign of wet weather to come [Bowen 1978: 58]. Вместе с лексемой «duck» (утка) в английских приметах часто употребляется лексема «drake» (селезень): If ducks or drakes do shake and flutter their wings when they rise, it is a sign of ensuing water [Inwards 1994: 133]. Лексема «селезень» в русских приметах не наблюдается.

Лексема «robin» (малиновка) активно употребляется в английских приметах, которая в русских приметах не встречается. Например: Don't cut hay when the robin's in the bush [Freier 1989: 40]; Robins in the bush, rain is

coming [Freier 1989: 40]; If robins are seen near houses, it is a sign of rain [Inwards 1994: 138]; В приметах большое значение имеет, то где и как поет малиновка, так как это певчая птичка: If robins sing loud and robins sing long, it's a sign of rain [Freier 1989: 39]. В русских приметах из певчих птиц уделяется большое внимание соловью. Например: Можно начинать посевную, вода пошла на убыль, если запел соловей [Грушко 2003: 324]; Перед ведренным днем соловей всю ночь неумолчно поет [Рыженков 1992: 106]. С лексемой «соловей / nightingale» в английском языке примет немного.

В русском языке менее частотными являются лексемы «трясогузка» и «глухарь»: Перед оттепелью глухарь на деревне ночует [Рыженков 1992: 96]; К теплой весне, если трясогузка раньше обычного возвратилась [Рыженков 1992: 110].

В английских приметах данные лексемы не выявлены. Также известно большое количество лексем, которые отсутствуют в русских и являются единичными в народных английских приметах: «dotterel» (ржанка), «fulmar» (глупыш), «hedge-sparrow» (завирушка), «petrel» (буревестник), «woodcock» (вальдшнеп), «wren» (крапивник), «kingfisher» (зимородок). Например: The peaceful kingfishers are met together about the decks, and prophesy calm weather [Inwards 1994: 140]; When wrens are seen in winter, expect snow [Inwards 1994: 139]; An early appearance of the woodcock indicates the approach of a severe winter [Inwards 1994: 135]; Petrels gathering under the stem of a ship indicate foul weather [Freier 1989: 88]; If the hedge-sparrow is heard before the grape-vine is putting forth its buds, it is said that a good crop is in store [Inwards 1994: 139]; If the fulmar seek land, it is a sign to the inhabitants of St. Kilda that the west wind is far off [Inwards, 1994: 140]; When dotterel do fast appear, it shows that frost is very near; but when the dotterel do go, then you may look for heavy snow [Inwards 1994: 140].

Для ЛСГ частотной, называющей птиц, как в английском, так и русском языках является сочетаемость атрибутов. Атрибутивную зону

можно разделить на две семантические категории. Первую формируют прилагательные, которые по объективно присущим им свойствам описывают птиц. Здесь можно выделить прилагательные, которые определяют родо-видовую характеристику животных. Наиболее часто используемым прилагательным в данной группе, как в английском, так и в русском языках, является прилагательное «перелетный / migrating», причем в английском языке примет широко используется синоним «migratory», в русском языке используется синоним прилагательного «прилетный»: К хорошему раннему лету, если слетаются на земле перелетные птицы по весне [Грушко 2003: 248]; К дружной весне, если течет стаями прилетная птица [Лютин 1993: 28];

Migrating birds fly to avoid a storm [Freier 1989: 40]; Migratory birds fly south from cold, and north from warm weather [Inwards 1994: 132].

В обоих изучаемых языках частотным атрибутом является прилагательное «дикий / wild», которое описывает птиц по родо-видовому свойству, причем в английских и в русских приметах это прилагательное сочетается чаще всего с лексемой «гуси / geese», отделяя тем самым диких и домашних гусей: Весной будет много воды, если дикие гуси летят высоко, воды будет мало, если летят низко [Ермолов 1995: 89]; Зима наступит поздно, если дикие гуси осенью летят высоко, наступит скоро, если летят низко [Грушко 2003: 111]; Осень сухая и протяженная, если скворцы не отлетают, дикие гуси садятся, много тенетника [Даль 1997: 557]; Wild geese fly high in pleasant weather and fly low in bad weather [Freier 1989: 16]; When wild geese fly to the southeast in Kansas, expect a blizzard [Sloane 1963: 14]; Wild geese flying past large bodies of water indicate change of weather; going south, cold; going north, warm [Inwards 1994: 134].

В русском языке к этой сочетаемостной зоне относятся также прилагательные, которые по следующим свойствам описывают птиц: 1) по месту («болотный», «дворовый», «комнатный», «домашний»); 2) по времени («апрельский», «зимний»); 3) по качеству («певчий»). Например: Дождь надолго, если от него не прячутся домашние птицы [Рыженков 1992: 99];

Холод простоит еще долго, если комнатные птицы молчат [Рыженков 1992: 93]; К ненастью, если ошипывается дворовая птица [Даль 1997: 571]; К дождливому году, если на высоких местах вьют гнезда болотные птицы [Рыженков 1992: 107]; Месяц прилета птиц – ноябрь [Копейка 2004: 112]; Птиц стаями привлечет на Марка [Даль 1997: 551]; Певчие птицы затихают на Тихона (Петрова дня затихает соловей) [Даль 1997: 553]; Апрельская ласточка день начинает, а соловей кончает [Копейка 2004: 49].

Частотными являются прилагательные в английском языке: «field» (полевой), «water» (водоплавающий), «sea» (морской), которые входят в структуру сложных существительных, которые сформированы словосложением: «field-lark» (полевой жаворонок), «water-fowl» (водоплавающая птица), «sea-bird» (морская птица), «sea-fowl» (морская птица). Например: If sea-fowl retire to the shore or marshes, a storm approaches [Inwards 1994: 140]; When sea-birds fly out early and far to seaward, moderate winds and fair weather may be expected. When they hang about the land or over it, sometimes flying inland, expect a strong wind with stormy weather [Inwards 1994: 140].

Вторую атрибутивную категорию составляют прилагательные, которые актуализируют качественно-характеризующие свойства, которые присущи птицам: характер движения животных, их размер и окрас. В обоих языках являются наиболее часто употребляемыми прилагательные, которые описывают окрас птиц («white» (белый), «green» (зеленый), «пестрый» / «blue» (синий), «желтый», «серый»). Например: На дождь – серая ворона доседает и прилетает до воды [Ермолов 1995: 80]; Нужно сеять рожь, если вдоль межи начала летать желтая трясогузка [Грушко 2003: 340]; В зимнее время приветствует предстоящее потепление частыми ударами клюва о сук дерева большой пестрый дятел [Лютин 1993: 10]; The feathers of the blue masaw turn a greenish hue before rain [Inwards 1994: 135]; The yaffel, or green woodpecker (called also the "rain-bird"), cries at the approach of rain [Inwards, 1994: 136].

Наиболее активным и в английском, и в русском языках является прилагательное «мелкий / small», которое обозначает размер птиц: если в пыли купаются мелкие пташки – пойдет дождь [Грушко 2003: 84]; If small birds seem to duck and wash in the sand, it is a sign of coming rain [Freier 1989: 87].

Активно употребляются в русском языке другие прилагательные, которые актуализируют качественные признаки птиц: «ранний», «молодой», «веселый», «одинокый», «каменный». Например: К ненастью залетают каменные стрижи [Ермолов 1995: 87]; Жди лютого мороза если высоко в небе увидишь одинокого ворона с утра [Копейка 2004: 27]; К ведру - веселый воробей [Грушко 2003: 46]; Пора сеять гречиху, когда из гнезд начнут выглядывать молодые скворцы [Грушко 2003: 312]; К теплой весне - ранний жаворонок [Грушко 2003: 95]. В русских приметах качественное прилагательное «жирный» встречается в краткой и в полной формах: весна будет долгая и холодная, если весной прилетели жирные утки [Ермолов 1995: 89]; Урожай будет плохой, если весной дикие утки жирны [Грушко 2003: 350].

В этом материале наиболее активным из всей группы глаголов, номинирующими птиц является глагол «лететь / fly»: К снегу – летит лебедь [Ермолов 1995: 89]; К теплу летит жаворонок летит [Ермолов 1995: 85]; When swans fly, it is a sign of wet weather [Freier 1989: 88].

В зависимости от конкретной приставки главное глагольное значение в русском языке обогащается семантическими дополнительными элементами, например, однокоренными формированиями глагола «летать», которые в русских народных приметах были представлены, являются глаголы «отлететь», «полететь», «взлетать», «улетать», «прилететь»: Чибис прилетел — воду принес на хвосте [Ермолов 1995: 89]; Скоро начнется пурга, если куропатки и тетерева улетают под защиту бора с редких перелесков и открытых мест [Лютин 1993: 15]; Жди снега, если грач отлетел [Копейка 2004: 112].

Признак направления полета в обоих изучаемых языках часто обозначают обстоятельственные детерминанты, которые выражаются предлогом с существительным: Скоро пойдет дождь, если кулик неустанно кричит, пролетая на поле с болота [Грушко 2003: 148]; К ведру, если далеко в море летят чайки [Грушко 2003: 368]; Дружная весна, если грачи летят прямо на гнездо [Ермолов 1995: 81]; К неурожаю, если журавль прилетит на наст [Рыженков 1992: 114]; Потеплеет, если журавли летят на север, возвратятся холода, если на юг [Копейка 2004: 46]; К морозу, если по избе летает курица [Даль 1997: 568]; Перед дождем ласточки тревожно летают то из гнезда, то в гнездо и купаются [Рыженков 1992: 101]; К ненастью, если гуси летом летают против ветра, к бурану – зимой [Ермолов 1995: 77]; If crows make much noise and fly round and round, a sign of rain [Freier 1989: 39]; If crows fly south, we'll have a severe winter [Freier 1989: 57]; If a hawk flies to the top of a tall tree and searches for lice, it's a sign of rain [Freier 1989: 39].

Как в английском, так и в русском языках глагол «лететь» достаточно часто заменяется синонимами. В русском языке глагол «порхать» является частотным, в английском очень активно использовались глаголы «circle» (кружить) и «soar» (парить). Например: К дождю - ласточки на водой порхают [Ермолов 1995: 85]; When swallows fleet, soar high, and sport in air, he told us that the welkin would be clear [Inwards 1994: 138]; A heron, when it soars high, shows wind [Inwards 1994: 139]; When chimney swallows circle and call, a sign of rain [Freier 1989: 39]; If rooks circle and dive through the air close to their nesting sites, never straying very far, and now and again take steep dives as though they have been shot, a warning of rainfall and strong wind [Bowen 1978: 58].

В русском языке частотным является обозначение временной актуализации явления полета обстоятельными распространителями, которые могут быть связаны:

а) с временем года: Весна будет дружной, если жаворонки прилетели ранней весной [Лютин 1993: 28]; Тетерев, сорвавшись с места,

перелетает поле летом – перед дождем, зимой — перед снегом [Грушко 2003: 338];

б) с конкретным днем месяцеслова: Будущая зима должна быть теплой и мягкой, если аисты до Спаса не отлетают [Грушко 2003: 6]; Снег рано сойдет, быть мокрому лету, если до Евдокии-плющихи (14 марта) грачи прилетели.

Глагольный предикат «кричать» в русском языке часто конкретизируется обстоятельством времени, который связан с определенной частью суток или временем года: Завтра будет дождь, если летом лебеди раскричались [Грушко 2003: 155]; К дождю, если сыч по ночам кричит [Ермолов 1995: 91].

Глагол «cry» (кричать) в английских приметах употребляется, но не представляет собой частотным явлением. Например: If reasocks cry in the night, there is rain to follow [Freier 1989: 88]. Народных примет в английском языке активно используются синонимы глагола «кричать» - «squall» (пронзительно кричать), «squawk» (орать), «scream» (вопить): When crows go to the water, if they beat it with their wings, throw it over them, and scream, it foreshows storms [Inwards 1994: 136]; When cranes make a great noise or scream, expect rain [Freier 1989: 39]; If owls scream during bad weather, there will be a change [Inwards 1994: 138].

Для составления прогноза в обоих языках большое внимание уделяется оперению, перьям птиц: К дождю, если птица встряхивает и взъерошивает перья [Рыженков 1992: 103]; К метели, если утки, и гуси оправляют перья на себе [Ермолов 1995:78]; Parrots and canaries dress their feathers and are wakeful the evening before a storm [inwards 1994: 135]; Ducks prune their feathers before a wind [Inwards 1994: 133].

Следует отметить, что имеет временную ориентацию огромное количество английских примет:

а) со временем года: In summer, birds becoming unusually silent during the daytime indicate thunder [Bowen 1978: 59]; When wild geese fly to

the south-east in the fall, in Kansas, expect a blizzard [Inwards 1994: 134]; If the cock drink in summer, it will rain a little after [Inwards 1994: 133].

б) с частью суток: When fowls look towards the sky, or roost in the daytime, expect rain; but if they dress their feathers during a storm, it is about to cease; while their standing on one leg is considered a sign of cold weather [Inwards 1994: 133].

в) с определенным месяцем: When birds and badgers are fat in October, expect a cold winter [Inwards 1994: 36]; If there's ice in November that will bear a duck, there 41 be nothing after but sludge and muck [Inwards 1994: 36];

г) с определенным днем: As long before Candlemas as the lark is heard to sing, so long will he be silent afterwards on account of the cold [Inwards 1994: 16]; On March 15th come sun and swallow [Inwards 1994: 21]; If the geese at Martin's Day stand on ice, they will walk in mud at Christmas [Inwards 1994: 370].

2.4. Лексико - семантическая группа "Млекопитающие"

Лексико-семантическая группа существительных, которая обозначает млекопитающих, занимает в ряду семантических подклассов существительных особое место.

В строении ЛСГ ядерное положение занимает слово «животное / animal» - основная лексема, которая в толковых словарях английского и русского языков определяется как живое существо, которое обладает способностью к самостоятельному передвижению, которые питаются органическими готовыми соединениями: животное - «существо, живой организм, который обладает навыками питания и движения, в отличие от растений [Ожегов 2006: 194]; животное - «любое живое существо, исключая растения» [Евгеньева 1985: 483]; animal — «a living thing that can feel and usually move about» [Хокинс 2007: 27].

В русском языке лексема «животное» имеет синоним «зверь», который означает обычно хищное и дикое животное и синоним «животина», которое используется для обозначения домашнего животного, а также лексема «зверье», которая в основном применяется в разговорной речи: С той стороны будет ветер, в какую сторону животное ложатся спиной [Ермолов 1995: 53], На Юрьеву росу гони животину [Грушко 2003: 53]; Гад и зверь на Ильин день бродит по воле [Даль 1997: 555]; К засухе (к лесному пожару) бежит зверье неведомо куда из лесу [Ермолов 1995: 53]. В языке английских примет не имеет синонимов лексема «animal».

Перед тем, как приступить к анализу лексико-семантической сочетаемости слов, необходимо отметить, что главную часть предикативной сочетаемости являются полнозначительными глаголами, которые разделяем, принимая во внимание учет семантических признаков глаголов: фнктивные глаголы, статуальные, каузативные, авторизующего значения, локализующего, глаголы движения и др.

Высокий уровень частотности в русском языке предикативной сочетаемости этих лексем показывают глаголы движения (бродить, бежать): Гад и зверь на Ильин день бродит по воле [Даль 1997: 555]; К засухе (к лесному пожару) бежит зверье неведомо куда из лесу [Ермолов 1995: 53].

На базе отношения «человек – животные» состав ЛСГ, обозначающий млекопитающих, можно условно разделить на три парадигматических группы: 1) домашние животные, 2) дикие животные, 3) сельскохозяйственные животные.

Первую парадигматическую группу формируют лексемы, которые входят в одну сему «сельскохозяйственные животные». В обоих исследуемых языках лексема «скот / cattle» является наиболее частотной, которая в русском языке имеет синоним «скотина», семантика совокупности группы животных одного вида в английском языке, а также пасущегося скота вместе скота обозначается лексемой «herd»: Herds seeking sheltered places instead of spreading over their usual range indicate a change towards less settled

weather [Bowen 1978: 56]; К скверной погоде, если скотина бодается зимою [Грушко 2003: 313].

В русских приметах глаголы, которые описывают питание животных, являются частотными, это, например, «перебирать корм», «пить», «есть»: К дождю, если скот днем спит и мало пьет воды [Ермолов 1995: 59]; К недороду урожая, если скотина ест все, к урожаю, если скотина перебирает корм [Грушко 2003: 31]. Глагол физиологического действия «feed» (пасться, кормиться) распространен в английских приметах: If cattle or sheep spread out, feed on high ground, or lie down in the open, the weather should remain at least moderately settled [Bowen 1978: 56]; а также глагол состояния «remain» (оставаться): When cattle remain on hilltops, fine weather to come [Inwards 1994: 128].

Так и в английских и русских приметах очень часто используется глагол локализующего значения «ложиться / lie down»: К ведру, коли скот ложится на дворе, к ненастью - под кровлю [Даль 1997: 570]; Ветер будет дуть с той стороны, в какую сторону скот ложится [Копейка 2004: 50]; You can expect rain when cattle lie down on going out to pasture [Dolan 1988: 205]; When cattle lie down as they are put to pasture, rain is on its way [Sloane 1963: 33].

Необходимо отметить, что в обоих анализируемых языках есть много примет о скоте, скорее всего это связано, в первую очередь с тем, что скот большую часть дня проводит на открытом воздухе, на пастбище, пользуется меньшей защитой от ненастья и холода, и, по всей видимости, поэтому проявляет очень большую чувствительность к переменам погоды.

В анализируемых языках наибольшее количество примет парадигматического ряда «сельскохозяйственные животные» тесно связано с коровой. В толковом словаре русского языка лексема «корова» обозначается как «самка парнокопытных жвачных крупных животных семейства быков (полорогих), а также иных парнокопытных (например, оленя, лося)» [Ожегов 2006: 297]. Следующие определение дает оксфордский словарь английского

языка: «cow - the fully-grown female of cattle or of certain other large animals» [Хокинс 2007: 167].

В приметах с лексемой «корова / cow» особое внимание уделяется соматической лексике, которая обозначает части тела животного: «хвост / tail», «бок / side», «морда / head». Например: Дождь на следующий день, если против ветра корова поднимает морду [Ермолов 1995: 59]; When an old cow raises her head high and sniffs the air, soon a change to nasty weather will come [Freier, 1989: 38]; Корова бока греет с Власьева дня [Панкеев 1977: 144]; If cows lie on the right side, it indicates rain to come [Inwards 1994: 128]; Жди осадков и ветра, если корова закидывает на спину хвост [Копейка 2004: 27]; If a cow thumps her ribs with her tail, expect a storm [Freier 1989: 83]; If cows slap their sides with their tails during the spring and summer months, this will probably be a sign of rainfall and possibly of thunder [Bowen 1978: 56]; When cows slap their sides with their tails it is a sign of rain [Bowen 1978: 58].

Активно применяются в русских приметах такие лексемы, как «рог», «вымя», «копыто»: Корова прибавит молока, как под копытом мокро [Грушко 2003: 136]; На похолодание – вымя у коровы холодное, на тепло – вымя у коровы теплое [Копейка 2004: 70]; Февраль ночью корове рог сорвет, а днем – бок нагреет. Фиксируется внимание в английских приметах на таких частях тела животного, как forefeet» (передняя нога), «ear» (ухо) «: When a cow will scratch her ear, it will mean a rain is near [Freier 1989: 38]; If cows lick their forefeet, it indicates rain to come [Inwards 1994: 128].

И в английском, и в русском языках приметы часто включают глаголы, которые описывают телодвижения коровы, например, глагол «трясти / shake»: К холоду, если корова трясет ногою [Ермолов 1995: 61]; if cows stop and shake their feet, it indicates rain to come [Inwards 1994: 128].

Самым распространенным из глаголов локализирующего значения как в английских, так и в русских приметах является глагол «ложиться / lie down»: К ведру, если корова ложится на дворе, к ненастью, если корова ложится под кровлю [Ермолов 1995: 59]; If cows lie down early in the day, it indicates rain to

come [Inwards 1994: 128]; Cows lie down before rain [Goldsack 1986: 35]. Локализирующий глагол «лежать» в русском языке уточняется обстоятельством детерминантом, которые реализует локальную актуализацию: К теплой погоде корова лежит на земле [Ермолов 1995: 59].

Активно используются в изучаемых нами приметах применяются глаголы, описывающие издаваемые звуки коровой, например, глагол «мычать / bellow»: К ненастью, если громко мычат коровы [Грушко 2003: 138]; When cows bellow in the evening, expect snow that night [Inwards 1994: 128]. Часто употребляется в английском языке синоним этого глагола - «low» (мычать, реветь): When cows low and gaze at the sky, it indicates rain to come [Inwards 1994: 128].

Наиболее значимым факторами, который помогает прогнозировать погоду, является в народных приметах качество и количество молока коровы, при этом на увеличение, уменьшение количества молока, его изменение обращается особое внимание: К дождю, если коровы сбавляют молока [Ермолов 1995: 61]; К грозе закисает вскоре после удоя коровье молоко [Ермолов 1995: 61]; На дождь, если количество молока корова уменьшает [Копейка 2004: 70]; You can expect rain when cows don't give milk [Dolan 1988: 205] When cows fail their milk, expect stormy and cold weather [Inwards 1994: 128].

В русских приметах можно выделить ряд сочетаний с атрибутами, которые реализованы прилагательными, описывающими окрас животных («красный», «пестрый», «рыжий», «белый», «черный»): К ненастью – пестрая и черная корова впереди стада; к ведру – рыжая и белая [Даль 1997: 570]; Будет пасмурная погода или дождь, если впереди стада домой идет черная корова, день будет погожим, если впереди идет корова светлой шерсти [Ермолов 1995: 58]; Красная корова идет впереди стада – к хорошей погоде, пестрая – к ведру, черная — к пасмурной погоде [Грушко 2003: 137].

В парадигматическом ряду «сельскохозяйственные животные» частотной является лексема «овца / sheep», которая описывается как

«домашнее парнокопытное жвачное млекопитающее семейства полорогих с волнистой густой шерстью» [Ожегов 2006: 443]; sheep — «an animal that eats grass and has a thick fleecy coat, kept in flocks for its wool and its meat» [Хокинс 2007: 648].

Лексема «баран» часто употребляется в русских народных приметах, которая обозначает самца овцы: Будет глубокий снег, если овца или баран бьет ногою под живот [Ермолов 1995: 61]. За счет формы «овечка» также расширяется ядро русской группы: До Николы не стрижи овечки и не сей гречки [Копейка 2004: 67].

И английские, и русские народные приметы с лексемой «овца / sheep» сформированы, принимая во внимание временной параметр, который уточняется в обстоятельственных распространителях, связанных с определенным периодом суток: Если утром овцы держаться вместе, а не рассыпаются пастись по выгону, то погода портится [Ермолов 1995: 63]; Если овцы ночью блеют – значит, падает роса, и на утро они заболели [Ермолов 1995: 63]; If sheep feed up-hill in the morning, sign of fine weather [Inwards 1994: 130].

Поведение овец в русских народных приметах часто предсказывает усиление ветра или в отдельных случаях даже его направление, то в английских оно в большинстве случаев предсказывает плохую погоду и дождь: С той стороны будет дуть ветер, в какую при выпуске на пастбище направятся овцы [Ермолов 1995: 62]; You can expect rain when sheep leap and frisk about [Dolan 1988: 205]; When sheep do huddle by tree and bush, bad weather is coming with wind and slush [Goldsack 1986: 143].

Для прогнозирования в русских приметах отдельное место уделяется качеству шерсти овец: Если у овец шерсть делается мягкой и влажной, пойдет дождь [Грушко 2003: 84]. В русском языке, кроме того, существует большое количество примет, базирующихся на звуках, которые производятся овцами: Будет скоро дождь, если блеют овцы [Ермолов 1995: 61]; Если овцы жмутся в кучу и блеют, пойдет дождь [Грушко 2003: 84].

Лексема «лошадь / horse» определяется как «непарнокопытное крупное животное семейства лошадиных» [Ожегов 2006: 333]; horse — «a large four-legged animal used for riding on and for pulling carts» [Хокинс 2007: 340]. В народных русских приметах также часто употребляется для обозначения самца лексема «конь», для обозначения самки лошади лексема «кобыла».

Русские народные приметы, связанные с лошадей сформированы на базе наблюдений за следующими темпоральными свойствами:

а) причастность ко времени года: Лошадь фыркает зимой к метели, летом – к дождю [Ермолов 1995: 57]; Лошадь ложится зимой— к теплу [Даль 1997: 569].

б) отнесенность к конкретному слову месяца или дня: Паши пашню под пшеницу и загоняй кобылицу на Ивана Богослова [Грушко 2003: 15]; На Фрола и Лавра не работать на лошадях, а то будет падеж [Даль 1997: 556]; Лошадей купают на Первый Спас [Даль 1997: 556].

Как в английских, так и в русских приметах различается большое количество случаев использования каузативных глаголов, которые в качестве части тела имеется у самого животного. В обоих изучаемых языках самым частотным являются существительные «копыто / hoof» и «голова / head»: К ненастью, если лошадь закладывает голову кверху и трясет головой [Даль 1997: 571]; К ухудшению погоды, конь поднимает голову вверх, трясет ею и храпит [Копейка 2004: 88]; When horses lie with their heads upon the ground, it is a sign of rain [Inwards 1994: 128]; If horses assemble in the corner of a field with heads to leeward, expect rain [Inwards 1994: 127]; When horses are restless and paw with their hoof, you 'll soon hear the patter of rain on your roof [Freier 1989: 37]. Существительное «ноги» также используется в русском языке: К дождю, если лошадь часто скребет ногами [Ермолов 1995: 57]; в английском существительные «lips» (губы) и «neck» (шея): If horses stretch out their necks and sniff rain will ensue [Freier 1989r: 48]; You can expect rain when horses pull back their lips and grin [Dolan 1988: 205].

В русском языке частотным глагол «ложиться» является локализирующего значения: К теплу, если лошадь на снег ложится [Рыженков 1992: 96]; К теплу, если в поле ложиться лошадь [Ермолов 1995: 57]; К теплу, если лошадь ложится зимой [Даль 1997: 569].

В парадигматическом ряду «сельскохозяйственные животные» часто употребляемой является лексема «свинья / pig». Свинья - «нежвачное парнокопытное животное с короткими ногами или большим телом» [Ожегов 2006: 703]. Pig - «a fat animal with short legs and a blunt snout, kept for its meat» [Хокинс 2007: 524]. Временная характеристика примет, в которую входит лексему «свинья / pig», направлена на различные свойства. Так, если в русских приметах очень важным является период года, то в английском языке в первую очередь внимание обращается на отдельный месяц. Например: Свинья, если ранней зимой отходит на поля и луга, далеко от домов, то дальнейшая зима будет теплая, и ее не следует бояться [Грушко 2003: 111]; К холоду, если держа солому во рту свинья визжит [Ермолов 1995: 64]; If the pig wallows in a puddle before the first of May, the summer will be cold [Freier 1989: 60].

С данной лексемой среди английских примет можно отметить глагол локализирующего значения «lie» (лежать), который имеет форму предлога с существительным: When pigs lie in the mud, no fears of a flood [Dolan 1988: 204]. В русском языке глаголы движения («кататься», «уходить») являются частотными, распространенные обстоятельственными детерминантами, которые реализуют локальную актуализацию, например: Быть дождю, если свиньи бегут домой с визгом и уходят с визгом [Грушко 2003: 301]; Пойдет дождь, если свинья валяется в грязи и катается по земле [Грушко 2003: 85].

В русских приметах активно употребляется глагол физического действия «рыть» с этой лексемой: К оттепели, если свиньи поднимают червей и роют замерзшую землю [Грушко 2003: 301]; К неурожаю, если свиньи осенью в поле шибко роют землю [Грушко 2003: 302].

Приметы образуют особую группу, в которую входят менее частотные лексемы: «осел / ass», «коза / goat», «бык / bull». Прогностическая функция примет реализуется применением:

а) глаголов, которые крик животных обозначают, например, глагол «реветь» в русском языке, которому в английском языке соответствует сразу несколько лексем, которые отличаются интенсивностью издаваемых животными звуков - «utter» (издавать звуки), «bray» (орать), «bawl» (кричать): К ветру, если зимой осёл ревет, к похолоданию, если летом [Лютин 1993: 15]; If asses bray more frequently than usual, it foreshows rain [Inwards 1994: 127]; When the asses brave, be sure we shall have rain that day [Dolan 1988: 126]; The goat will utter her peculiar city before rain [Freier 1989: 82];

б) глаголов движения, которые очень часто уточняются обстоятельственными детерминантами: «quit» (покидать, оставлять), «leave» (уходить). Например: Будет дождь, когда прыгают и играют ослы [Ермолов 1995: 58]; Скверная погода будет на следующий день, если козы вечером бегут прямо в хлев и ложатся там [Ермолов 1995: 63]; Goats leave high ground and seek shelter before a storm [Freier 1989: 82]; If goats and sheep quit their pastures with reluctance, it will rain the next day [Inwards 1994: 129];

в) каузативных глаголов, которые имеют в роли объекта отдельные части тела этих животных. В русских приметах это - «уши», «ноги», «ноздри», «морда»: Коровы и быки перед дождем жадно вдыхают воздух и поднимают морды кверху [Рыженков 1992: 102]; Перед дождем быки расширяют ноздри, лижутя и смотрят в южную сторону [Грушко 2003: 25]; Будет снег, если козы в зимнюю пору чихают (кашляют), хлопают ушами и стучат ногами [Ермолов 1995: 63]. В английских приметах - «hoofs» (копыта), «ears» (уши): If asses hang their ears downward and forward, and rub against the wall, rain is approaching [Freier 1989: 48]; If bulls lick their hoofs or kick about, expect much rain [Inwards 1994: 128].

В английских приметах для прогнозирования погоды значимыми является то, какое животное первым в стаде идет на пастбище: You can expect rain when the bull leads the herd to pasture [Dolan 1988: 205]; If the bull lead the van in going to pasture, rain must be expected; but if he is careless, and allow the cows to precede him, the weather will be uncertain [Inwards 1994: 128].

Собаку с кошкой мы относим к парадигматическому ряду домашних животных, которые непосредственно живут вместе с человеком.

В толковых словарях лексема «собака» английского и русского языков определяется как «домашнее животное, которое родственное волку, из семейства псовых, используемое человеком в упряжке, на охоте, для охраны (на Севере)» [Евгеньева 1985: 168]; как «домашнее животное, принадлежащие семейству псовых» [Ожегов 2006: 739]; dog - «a four-legged animal that barks, often kept as a pet» [Хокинс 2007: 214].

«Кошка - домашнее животное истребляющее крыс и мышей с повадками хищника» [Евгеньева 1985: 118]; «хищное млекопитающее из семейства кошачьих» [Ожегов 2006: 302]; cat - «a small furry domestic animal» [Хокинс 2007: 110].

В русских народных приметах для обозначения самца кошки употребляется лексема «собака» и лексема «кот», и очень часто подменяется лексемой «пёс». В народных английских приметах есть лексемы, которые обозначают собак по родо-видовому признаку, например «spaniel» (спаниель), «hound» (охотничья собака, гончая). Лексемы «собака / dog» и «кошка / cat» распространяется активно со значением движения глагольными предикатами, среди которых наиболее активными в языке русских народных примет являются глаголы «валяться», «растягиваться», «свертываться», «повертываться»: К погоде, если собака на хребте повертывается [Ермолов 1995: 66]; На холод, если собака лежит калачиком и свертывается; на тепло, раскидав ноги, растягивается на земле [Ермолов 1995: 65]; К вьюге, если собака валяется по снегу [Даль 1997: 568]; К теплу, если кошка по полу

растянется [Ермолов 1995: 67]; К морозу, если в комнате калачиком свернется кошка [Ермолов 1995: 66].

В приметах с этими лексемами в английском и в русском языках можно заметить частое использование глагола физиологического действия «есть / eat»: К теплу, если собака зимой ест сено из ушата [Грушко 2003: 109]; На дождь, если кошка траву ест [Ермолов 1995: 67]; Cats and dogs eat grass before rain [Freier 1989: 48]. Можно также заметить активное применения глаголов положения. Это глаголы «садиться», «ложиться» в русском языке; в английском — «лежать», «sit» (сидеть): Скоро потеплеет, если на снег ложится пес, завтра будет метель – когда валяется [Копейка 2004: 31]; К хорошей погоде, если на спину ложится кошка [Ермолов 1995: 66]; к стуже, если кошка садится в печурку или на шесток [Грушко 2003:140]; Cats sit with their backs to the fire before snow [Inwards 1994: 126]; When the cat in February lies in the sun, she will creep behind the stove in March [Inwards 1994: 14]. Частое употребление как в английских, так и в русских приметах имеет глагол физического действия «царапать / scratch» с лексемой «кошка / cat»: К ненастью, если стену царапает кошка [Ермолов 1995: 67]; Cats scratch the wall or a post before wind, and wash their faces before a thaw [Inwards 1994: 126].

Глагол «спать» является часто употребляемым среди глаголов состояния: К ненастью, если собака много спит и мало ест [Даль 1997: 571]; К теплу, если кошка спит крепко [Даль 1997: 571]; If spaniels sleep more than usual, it foretells wet weather [Inwards 1994: 126].

С данными лексемами помимо глаголов состояния используются глаголы, обозначающие звуки, которые производятся этими животными. Это глаголы «мяукать» и «лаять» в русском языке: Будет много дичи и зверя, коли в Крещенье много лают собаки [Даль 1997: 546]; В ненастье котика не мяукается [Ермолов 1995: 67]. С лексемой «dog» (собака) в английском языке употребляется очень часто глагол «howl» (выть): If dogs howl, expect a storm [Freier 1989: 83].

С данными лексемами такую большую частотность употребления демонстрируют каузативные глаголы, которые имеют отдельные части тела самого животного. И в английском, и в русском языках часто используются лексемы «голова / head», «спина / back», «хвост / tail»: К ненастью, если кошка прячет голову и лижет хвост [Даль 1997: 571]; К непогоде, если дерёт спину кошка [Ермолов 1995: 67]; Будет мороз, если собака на спине катается [Ермолов 1995: 65]; Cats sitting with their tails to the fire are said - to foretell change of weather; Cats sit with their backs to the fire before snow [Inwards 1994: 126]; If a cat lies curled up with the flat part of its head (between its ears) on the ground, it is going to rain [Opie & Tatem 2005: 58]. Причем в русских приметах лексема «голова» часто заменяется другой лексемой «морда», а в английских лексемами «brain» и «face»: К метели, если кошкой лапой закрывает морду [Рыженков 1992: 92]; If the cat washes her face over the ear, this is a sign of fine and clear weather [Goldsack 1986: 95]; When the cat lies on its brain, then it is going to rain [Freier 1989: 83].

Третий парадигматический ряд лексико-семантической категории «млекопитающие» - это существительные, которые обозначают диких животных. Следующие лексемы включает ряд: «летучая мышь / bat», «белка / squirrel», «медведь / bear», «крот / mole», «мышь / mouse», «заяц / hare» и др. Намного больше примет по домашним животным, больше, чем по диким животным, вероятно, потому что за ними намного сложнее следить, а, следовательно, и прогнозировать будущий урожай и погоду.

И в английском, и в русском языках наиболее частотной является лексема «крот / mole». Крот - «живущие под землей, в норках млекопитающее отряда насекомоядных» [Ожегов 2006: 308]; mole - «a small funny animal that burrows under the ground» [Хокинс 2007: 450].

Глаголы движения «выползть / creep», «выходить / come» образуют предикативную сочетаемость, они часто распространяются обстоятельственными детерминантами, которые обозначены в русском языке сочетаниями предлога с существительными: «из подземелья», «из земли»,

«из-под земли»; в английском - «into meadows» (на луга), «above ground» (по земле): Например: Не жди хорошей погоды, если из-под земли выходят кроты [Рыженков 1992:101]; К большому дождю, если из земли выползают кроты [Грушко 2003: 144]; К дождю, если кроты делают высокие кучи и выходят из подземелья [Лютин 1993: 40]; If moles do forsake their trenches and creep above ground in summer-time, it is a sign of hot weather [Inwards 1994: 131]; Moles coming into meadows presages fair weather [Inwards 1994: 131].

И в английских, и русских приметах норы кротов имеют большое значение, причем в большое значение их количеству отводится в английских приметах, а в русских - их расположению относительно разных сторон света: When moles' basins are few in number, the following winter will be mild [Inwards 1994: 131]; Жди теплой зимы, если вырыли норы кроты к северу; холодной, если к югу; сухой, если к востоку; сырой, если к западу [Грушко 2003: 144]; Зима будет теплой, если отверстиями к северу норки у кротов; холодная - к югу, сухая - к востоку, сырая - к западу [Ермолов 1995: 50].

В парадигматическом ряду «дикие животные» второй по частотности и в английских, и в русских приметах является лексема «мышь / mouse». Причем очень часто в английских приметах применяется форма множественного числа «mice», например: If rats and mice are more restless, expect a storm [Freier 1989: 83].

В толковых словарях лексема мышь описывается как «грызун небольшого размера с длинным хвостом, усиками и острой мордочкой» [Ожегов 2006: 372]; mouse - «a small animal with a long tail and a pointed nose» [Хокинс 2007: 456].

Как в английских, так и в русских приметах видовая классификация также является важным фактором, она определяется лексемой «мышь-полевка / field-mouse»: К снежной зиме свои норы мыши-полевки роют недалеко от поверхности земли — к снежной зиме [Рыженков 1992: 109]; When the field-mouse makes its burrow with the opening to the south, it expects a severe winter; when to the north, it apprehends much rain [Ермолов 1995: 50]. В

русском языке лексема «мышь» активным образом сочетается с различными глаголами движения: «уходить», «выходить», «гоняться», «бегать». Например: Если ночью летом мыши в поле поднимают возню: бегают, пищат, гоняются друг за другом — наутро жди хорошей погоды; и наоборот, будет ненастье, если они тихо сидят в норках [Ермолов 1995: 69]; Мыши выходят на снег за сутки до оттепели [Копейка 2004: 30]; К пожару, если мыши из дома уходят [Грушко 2003: 197]. Из глаголов движения в английском языке активно применяется глагол «frolic» (резвиться), а также глагол «run» (бегать), а также: Mice will run and frolic before a storm [Freier 1989: 38].

В парадигматическом ряду «дикие животные» следующей по употребляемости является лексема «медведь / bear», которая обозначает «хищное крупное млекопитающее с толстыми ногами и длинной шерстью» [Ожегов 2006: 347] в русском языке и «a large heavy animal with thick fur and large teeth and claws» [Хокинс 2007: 61] в английском.

Значительным в русских приметах важным временной период, который передается посредством обстоятельственных распространителей, содержащих указание на конкретный день или месяц: На Юрьев день волки жмутся к деревенским задворкам, а медведь в берлогах крепко засыпает [Копейка 2004: 10]; С Егория волки жмутся к деревенским задворкам, а медведь в берлоге крепко засыпает [Грушко 2003: 56]; С Воздвиженья птицы на юг улетают, а медведи в берлогу залегают [Панкеев 1977: 153].

Глаголы, которые определяют существительное «медведь», в русском языке часто связаны с конкретным местом, а именно с лексемой «берлога», которая обозначает место обитания животного. Например: Медведи еще осенью умудряются определить, какая весна будет, и в берлоге залегают на высоких местах, чтобы им не подмочили бока обильные талые воды [Лютин 1993: 32]; По медвежьему хотению длится зима: зиме до весны ровно половина пути осталась, как повернется он на другой бок в своей берлоге на

Спиридона - солноворота (25 декабря) [Грушко 2003: 183]; Медведь из берлоги не вскочит, пока талый снег бока не промочит [Грушко 2003: 183].

Атрибутивная сочетаемость в английском языке часто выражена прилагательными, характеризующими животного с точки зрения родовой классификации: «wooly bear» (бурый медведь). Например: The wider the band of the woolv bear, the milder will the winter be [Dolan 1988: 189].

Частотной и в английских, и в русских, народных приметах является лексема «летучая мышь/bat». Причем существительное «нетопырь» в русских приметах употребляется часто, обозначающая один из типов летучих мышей: К ведру - нетопыри разыгрываются [Даль 1997: 571].

Прежде всего предикативная сочетаемость лексемы «летучая мышь / bat» описывается глаголом движения «летать / fly». Погода исправится, если вечером много летучих мышей пролетит [Ермолов 1995: 70]. Глагол движения «fly» в английском языке часто конкретизируется обстоятельственными детерминантами, которые выражаются сочетаниями предлогов с существительными «to the ground», «into the house», наречием «close». Например: Bats fly close to the ground before a rain [Sloan 1963: 32]; You can expect rain when bats fly into the house or make a great deal of noise [Dolan 1988: 205].

Как в английских, и в русских приметах с лексемой «летучая мышь / bat» влияет количество летучих мышей на прогнозирование погоды: К хорошей погоде, если в большом количестве кружатся летучие мыши [Ермолов 1995: 69]; When bats appear very early in the evening and in great numbers after the sun has set expect fair weather [Goldsack 1986: 95]. Необходимо отметить, что в английском языке большое количество мышей очень часто передается посредством глагола «abound» (иметься в большом количестве): If bats abound and are vivacious, fine weather may be expected [Inwards 1994: 131].

Лексема «олень/deer» в обоих изучаемых языках является менее частной, которая и в английском, и в русском языках уточняется временными

распространителями, которые связаны с конкретным днем месяца: Олень копыто обмочил (вода холодна) на первый спас [Даль 1997: 556]; If the deer rise dry and lie down dry on Bullion's Day, there will be a good harvest [Inwards 1994: 31].

Лексемы «заяц / hare» и «белка / squirrel» в обоих изучаемых языках являются менее частотными. В русском языке предикативная сочетаемость лексемы «белка» в первую очередь выражается глаголами движения «вылинять», «линять», «покидать», «спускаться». Например: Если белка спускается с дерева и покидает жилье во время мороза, то ожидай оттепели [Рыженков 1992: 97]; Зима будем хорошая, если белка чисто вылиняла до Покрова [Грушко 2003: 259]; На гнилозимье, если белка от головы к хвосту линяет, на прочную зиму, если от головы к хвосту [Рыженков 1992: 107]. Кроме того, в предикативной сочетаемости можно выявить применение краткого прилагательного: Осень будет хороша, если в Покров белка чиста (вылиняла) [Даль 1997: 558].

С лексемой «белка / squirrel» можно зафиксировать идентичные приметы как в английском, так и в русском языках, которые базируются на количестве запасов пищи на зиму: Если кроты, мыши, белки делают запасов кормов больше, чем обычно — готовятся к суровой зиме [Рыженков 1992: 107]; К суровой зиме, если белки долго запасаются орехами [Грушко 2003: 16]; Wien squirrels lay in a large supply of nuts, expect a cold winter [Inwards 1994: 131]; When squirrels lay in a big store of nuts, lookfor a hard winter [Sloane 1963: 33].

При характеристике русских народных примет большое значение с лексемой «заяц» имеет временной параметр, который уточняется в обстоятельственных распространителях, причастных к конкретному времени года: Скоро наступит зима, если шерсть у зайцев осенью побелеет (и вообще у животных) [Ермолов 1995: 48]; Долго будет холод, если зайцы долго весною не линяют [Ермолов 1995: 48]. В русском языке лексема «заяц» активно распространяется при помощи глагольных предикатов со значением

движения: «выскочить», «приближаться», «выходить», «приходить», «ходить», «убегать», «бегать». Снегу будет много, если заяц бежит по одной дорожке с осени [Грушко 2003: 104]; Перед холодом заяц очень чуток – убегает от человека издали [Ермолов 1995: 70]; Зима предстоит суровой, если заяц ходит в сады [Лютин 1993: 18]; Зима будет суровая, если заяц приходит в сады [Рыженков 1992: 110]; До периода половодья дикие копытные, еноты, лисы, зайцы выходят до периода половодья из зоны затопления [Лютин 1993: 28].

В русских приметах при прогнозировании важным является волосяной покров зайца, который выражается лексемами «шерсть», «шубка», «шуба»: Заяц-беляк сменил шубу, если зиму чует [Рыженков 1992: 108]; К скорой зиме, если заяц меняет белую шубку на серую [Грушко 2003: 104]; Зима месяцев шесть, если у зайца жесткая шерсть [Рыженков 1992: 110]. Заяц в приметах английского языка отводится достаточно мало внимания. Можно наблюдать только единичные случаи употребления лексемы «hare»: Hares take to the open country before a snowstorm [Inwards 1994: 131].

Как в английском, так и в русском языках примет с лексемой «еж/hedgehog» немного. Причем, если поведение ежей в русских приметах обычно прогнозирует погоду предстоящей зимы, то в английских — перемену ветра или наступление бури. Например: Hedgehogs conceal themselves in their holes before a change of wind from north-east to south [Inwards 1994: 132]; Hedgehogs do foresee ensuing storms [Ермолов 1995: 52]; Жди суровой зимы, если ежи в погожие дни зачастую сворачиваются в клубок [Грушко 2003: 91]; Зима будет теплая, если логово ежа расположено с краю леса, холодная, если в середине [Грушко 2003]; Зима будет теплой, если еж устроил на опушке нору осенью, жди крепких морозов, если в глубине чащи [Рыженков 1992: 110].

Лексемы «лиса» и «волк» образуют особую группу, в языке русских примет они употребляются активно и полностью отсутствуют в народных английских приметах.

Глаголы движения «перекочевывать», «разбегаться», «сходиться», «подходить» обладают большой частотностью использования с лексемами «лиса» и «волк»: К недороду хлебов, если волки подходят близко к деревне [Грушко 2003: 44]; Волки сходятся на Анну и Стефана, а после выстрелов на Крещение разбегаются [Грушко 2003: 45]; К ненастью если олени и лисы на большие расстояния перекочевывают [Лютин 1993: 12].

Кроме того, можно выявить особые лексемы как для русских («хорек», «куница», «суслик»), так и для английских примет («porpoise» (морская свинка), «dolphin» (дельфин), «stoats» (горноста́й), «weasel» (ласка), «skunk» (ску́нс), «muskrat» (выхухоль), «badger» (барсук). Данные лексемы встречаются достаточно редко в народных приметах. Например: Будет сушь, если много сусликов [Грушко 2003: 334]; Быть засухе, если летом появится большое количество сусликов [Ермолов 1995: 72]; К ранней зиме, если куницы и хорьки меняют летний мех на зимний до срока [Рыженков 1992: 110]; Будет буря, если лоси уходят в глубь леса [Лютин 1993: 15]; When birds and badgers are fat in October, expect a cold winter [Inwards 1994: 36]; When muskrats build larger houses in deeper water, it's going to be a cold winter [Freier 1989: 61]; When skunks are real fat, we'll have a long winter coming [Freier 1989: 61]; If weasels and stoats are seen running about much in the forenoon, it foretells rain in the after-part of the day [Inwards 1994: 131].

Выводы к главе 2.

- Гиперонимом в ЛСГ «Животный мир» можно назвать слово «животное», имплицитное семы: «способность к самостоятельному передвижению», «питание готовыми органическими соединениями», «живое существо». Изучение предикативной сочетаемости слов ЛСГ «Животный мир» дает возможность в русских и английских приметах выделить несколько микрогрупп: статуальные глаголы, каузативные, авторизирующего значения, локализирующие глаголы, глаголы движения. Также зафиксирован менее часто встречающийся блок сочетаний с атрибутами, которые реализованы при помощи относительных и качественных прилагательных, уточняют качественно-характеризующие свойства животных в английском языке: количественная характеристика, характер движения животных, размер, окрас, а также описание в русских приметах животных со стороны родо-видовой классификации, характеристика окраса животных.

- В русском языке наиболее частотные лексемы - летучая мышь, медведь, рыба, комар, свинья, овца / баран, лошадь / кобыла / конь, птица, собака / пес, крот, скот / скотина / стадо, гусь, мышь, паук, грач, корова, пчела, кошка / кот, курица / наседка, ворон / ворона. В английском языке наиболее частотными лексемами являются — bat, bear, bird, fish, insect, pig, dolphin / porpoise, mole, frog, horse, mouse, rook, fowl, cattle / herd, goose, sheep, cow, dog, spider, cat.

- Как английские, так и русские приметы часто основаны на наблюдениях за такими темпоральными характеристиками, как: отнесенность к конкретной части суток, отнесенность к конкретному дню или месяцу, отнесенность к определенному времени года.

- В семантическом поле «Животный мир» можно отметить разделение тематических доминант. Скорее всего, это объясняется разнообразием животного мира, численностью в фаунах стран изучаемых языков указанных животных, а также значением, ценностными характеристиками того или

иного животного в жизни русскоязычного и англоязычного народа. Согласно эмпирической информации, как для англоязычного, так и для русскоязычного народа значимым является поведение домашних животных, а именно собак и кошек. Овцеводство и разведение крупного рогатого скота имеет большое значение в сельском хозяйстве. В обоих сравниваемых языках на это указывает достаточное количество примет, которые основаны на поведении овец и коров. Особое значение в русском сельском хозяйстве имеют также пчеловодство и птицеводство. Также наблюдается широкое развитие рыболовства в русском этнокультурном обществе. У англоязычного и русскоязычного народов, есть большое количество примет, которые базируются на наблюдениях поведения насекомых, например: мухи, муравья, паука, а также таких птиц, как гусь, грач, ворона, ворон.

Главная прагматическая значимость народных примет состоит в моделировании поведения адресата, которое подразумевает концентрацию внимания человека, который получает информацию на ее правильном истолковании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Изучение вопроса «Язык и культура» показывает то, что культура, этнос, язык располагаются в отношениях взаимной детерминации. Человек в ходе своей жизнедеятельности создает концептуальную модель, которая для него представляется идеальным образом объективного мира, из-за чего находит в языке непосредственное отображение, в семантике языковых знаков, формируя языковую картину мира. Любой язык реализует конкретный способ отображения действительности согласно условиям жизни данного этноса, его культурой и историческим опытом.

В основу данного исследования была положена теория В. фон Гумбольдта (также И.Л. Вайсгербера, Б. Уорфа, Э. Сепира, А.А. Потебни,) о том, культура, этнос и его язык пребывают в отношениях взаимной детерминации. Проведенное исследование народных примет определило, что эти языковые конструкции представляют собой богатый источник данных, в первую очередь, для исследований лингвистов, являясь уникальным механизмом интерпретации и познания ментальности и культуры изучаемого языка.

Для лингвокультурологического исследования народные приметы представляют собой важный объект, т.к., во-первых, примета как полифункциональный знак имеет возможность реализовать функций не только языка, но всей культуры. Во-вторых, приметы представляют собой неотделимую часть от общей языковой национальной картины мира. Приметы, будучи лингвокультурными текстами, эксплицируют некоторый пласт культуры конкретного этноса, отражают физическую и духовную деятельность носителей этой культуры, особенности их мировосприятия и мышления, представителей конкретного лингвокультурного общества.

По нашему убеждению, народные приметы являются культурно-маркированными текстами, т.к. при передаче и накоплении опыта через поколения играют важнейшую роль. В семантике этих языковых знаков

можно наблюдать не просто разделение, некоторую категоризацию совокупности окружающего мира, но и его переосмысление, слияние нового знания с системой, ранее приобретенной исторической и социальной информации нового знания, формирование к нему оценочно-эмоционального отношения к нему соответствующего этноса.

В связи с рассмотренными содержательными, формальными признаками, а также функциональными спецификами примет, можно сказать, что они являются устойчивыми конструкциями, как правило, прогнозирующие какие-либо метеорологические явления на базе эмпирического опыта общества в результате долгосрочного взаимодействия с окружающим миром.

Приметы, являясь структурой вторичной номинации, реализуют когнитивную переработку конкретных знаний об окружающей реальности, выступая в роли вспомогательного способа языковой репрезентации существующих устоев. В приметах эксплицируются только те концепты, которые представляют собой ядерный компонент концептосферы языка, употребляемого носителями некоторой культуры, и составляют в данной культуре самую значимую часть национального сознания. Представление в паремиях какого-либо концепта свидетельствует о причастности этого концепта ко всей системе культурного этноса, который на этом языке говорит.

В процессе изучения систематики народных примет русского и английского языков было выявлено, что семантическое поле русского и английского языков основывается на общечеловеческих представлениях о человеке и мире, что доказывается выявлением универсальных микро- и макроконцептов как некой логической базы картины всего мира в русском и английском языках, которые, однако, имеет особое культурно-национальное осмысление.

Особенности прагматики и семантики русских и английских народных примет, изученные нами в границах многостороннего анализа паремий,

помогало выявлению у них значимого культурнолингвистического потенциала. Системный подход к изучению прагматического и семантического значения примет дал возможность определить национально-культурные особенности русского и англоязычного этнокультурных обществ.

Так, в процессе анализа русских и английских примет с элементом "Животный мир" было установлено, что самое большое значение в жизни англоязычного и русскоязычного народа, придается поведению домашних животных, а именно собаке и кошке. Овцеводство и разведение крупного рогатого скота имеет особое значение в сельском хозяйстве. На это указывает в обоих изучаемых языках на достаточно большое количество, которые базируются на поведении некоторых сельскохозяйственных животных, таких, как овца и корова. Пчеловодство и птицеводство имеют особое значение в русском сельском. Высокая частота упоминания этих животных обуславливается их жизнью около человека и большой их важностью для предсказания развития сельского хозяйства и погоды.

Также, справедливо будет считать, что не столько прогностическая ситуация находится в центре значения приметы, сколько характерный всем приметам, ее прагматический смысл, который выражается в прагматической репрезентации. Под прагматическим выражением ситуации стоит понимать свод закономерностей, установок, рекомендаций, оценок, ради которых в речи используется та или иная примета.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андрамонова Н.А. Сложное предложение как средство актуализации имплицативных знаний // Материалы научно-практической конференции. Казань, 2009. – 4-7 с.
2. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957. – 250 с.
3. Антипов Г.А. Текст как явление культуры / Г.А. Антипов, О.А. Донских, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин. - Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. – 197 с.
4. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В., Морозова Н.Н. Лексикология английского языка: учебное пособие для вузов по пед. специальностям. М.: Дрофа, 2009. – 286 с.
5. Арутюнова Н.Д. Русский язык / Н.Д. Арутюнова, Г.В. Степанов.- М., 1979. – 257 с.
6. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2007. – 896 с.
7. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература. М.: Академия, 2008. – 368 с.
8. Бабкин А.М. Лексикографическая разработка русской фразеологии. М.; Л.: Наука, 1964. – 76 с.
9. Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества. М.: Просвещение, 1971. – 210 с.
10. Буковская М.В., Вяльцева С.И., Дубянская З.И., Зайцева А.П., Биренбаум Я.Г. Словарь употребительных английских пословиц. М.: Просвещение, 2009. – 234 с.
11. Вайсгербер И.Л. Родной язык и формирование духа / И.Л. Вайсгербер. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 224 с.

12. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2011. – 272 с.
13. Власова М., Русские суеверия // Энциклопедический словарь.- СПб.: Азбука, 1998. – 576 с.
14. Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин –3-е изд., испр. и доп. – М.: Р.Валент, 2006. – 448с.
15. Воробьёв В.В. О понятии лингвокультурологии и её компонентах // Язык и культура: Вторая международная конференция: Доклады. Киев, 1993. – С. 42-48.
16. Гаврин С.Г. Фразеология современного русского языка. Пермь: Изд-во Перм. Гос. Пед. Ин-та, 2004. – 269 с.
17. Гачев Г.Д. Национальные образы мира / Г.Д. Гачев. - М.: Советский писатель, 1988. – 448 с.
18. Глухих В.М. Пословицы как материал для лингвистического разбора // Русский язык в школе. 2014. № 1. С. 90-92.
19. Грушко, Е.А. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. - Нижний Новгород: Рус. купец: Братья славяне, 1995. – 559 с.
20. Грушко, Е.А. Словарь славянской мифологии : учеб. пособие / Елена Грушко, Юрий Медведев. — Н. Новгород: Рус. купец: Братья славяне, 1995. – 367 с.
21. Гумбольдт фон В. Избранные труды по языкознанию / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1984. – 398 с.
22. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / в. фон Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
23. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Издательство Эксмо, Изд-во ННН, 2003. – 616 с.
24. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М.: «Русский язык», 1989-1991. Т. 4: 1991. – 683 с.

25. Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка. – Москва., 2008. – 378 с.
26. Евсюкова Т.В. К проблеме перевода лингвокультурем словаря культуры // Евсюкова Т.В. Словарь культуры как проблема лингвокультурологии / Рост. гос. экон. университет (РИНХ). Ростов н/Д., 2011. – 256 с.
27. Ермолов, А.С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. Народное погодоведение / А.С. Ермолов. - М.: Рус. книга, 1995. – 430 с.
28. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2007. – 544 с.
29. Иванова Е.В. Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 160 с.
30. Каган М.С. Философия культуры. - СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 414 с.
31. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. - М.: Наука, 1987. – 264 с.
32. Карасик В.И., Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужак». М.: Гнозис, 2006. – 240 с.
33. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика / И.М. Кобозева. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
34. Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. – 240 с.
35. Комарова И., Книга примет. – М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 1999. – 256 с.
36. Копейка, В.И. Календарь народных примет / авт-сост. В.И. Копейка. - М.: АСТ; Донецк: Сталкер, 2004. – 126 с.
37. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. - М.: МАЛПИ, 1999. – 341 с.

38. Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. - М.: Наука, 1988. – 141-172 с.
39. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. - М.: РАН Институт языкознания, 1997. – 327 с.
40. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 2009. – 336 с.
41. Лаврова С.А., «Культура и традиции Великобритании». – М.: «Белый город», 2004. – 346 с.
42. Лингвистический энциклопедический словарь / ред. В.Н. Ярцева. - М.: Большая Российская энциклопедия; Издание 2-е, доп., 2002. – 709 с.
43. Лингвистический энциклопедический словарь. - М.: Советская Энциклопедия, 1990. – 685 с.
44. Лютин, А.Т. Народное наследие о приметах погоды: Календарь. - Саранск: Мордов кн. изд-во, 1993. – 96 с.
45. Ляцкий Е.А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах // Известия отделения русского языка и словесности. СПб., 1897. –745-782 с.
46. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. - М.: Академия, 2001. – 208 с.
47. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2011. – 410 с.
48. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно-маркированной семантикой в системе русской речи / Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 2009. – 63-68 с.
49. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов / Н.Б. Мечковская. - М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
50. Миронов, В.А. Двенадцать месяцев года: Календарь нар. примет. - М.: Сов. Россия, 1991. – 176 с.

51. Модестов В.С. Английские пословицы и поговорки и их русские соответствия. М.: Русский язык, 2012. – 469 с.
52. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. – 283 с.
53. Молчанова Г.Г. Английский как неродной: текст, стиль, культура, коммуникация. Учебное пособие.- М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 384 с.
54. Овчарова Г.Б. Проблема метода в лингвокультурологии // Вестник ПГЛУ. 2013. – № 4. – 20-22 с.
55. Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Сергей Иванович Ожегов; под ред. [и с предисл.] Н.Ю. Шведовой; АН СССР, Ин-т рус. яз. - 21-е изд., перераб. и доп. - М.: Рус. яз., 1989. – 923 с.
56. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. - М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.
57. Павиленис Р.И. Проблемы смысла. Современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павиленис. - М.: Мысль, 1983. – 312 с.
58. Павлова, Е.Г. Опыт классификации народных примет / Е.Г. Павлова // Паремнологические исследования: сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения; сост. Г.Л. Пермякова. - М.: Наука, 1984. – 296-299 с.
59. Павлова Е.Г. Опыт классификации народных примет. Паремнологические исследования. М.: Наука, 2012. – 318 с.
60. Панкеев, И.А. Тайны русских суеверий. Суеверия, предания русского народа / И.А. Панкеев. - М.: Яуза: ЭКСМО, 1997. – 200 с.
61. Пермяков, Г.Л. К вопросу о структуре паремнологического фонда / Г.Л. Пермяков // Типологические исследования по фольклору: сб. ст. памяти В.Я. Проппа. - М.: Наука, 1975. – 247-274 с.
62. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремнологии. М.: Наука, 2008. – 236 с.
63. Потебня А.А. Мысль и язык / А. А. Потебня. - Харьков, 1862. – 213 с.

64. Потебня А.А. Слово и миф / А.А. Потебня. М.: «Правда», 1989. – 622 с.
65. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности / Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике. Под ред. Ю. Г. Круглова. М.: Высшая школа, 2010. – 149-159 с.
66. Рамишвили Г.В. В.ф. Гумбольдт - основоположник теоретического языкознания / В.Г. Рамишвили // Гумбольдт В.ф. Избранные труды по языкознанию - М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
67. Реформатский А.А. Введение в языкознание / А.А. Реформатский. - М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
68. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 554 с.
69. Рыженков, Г.Д. Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / сост. и авт. вввод, текстов Г.Д. Рыженков; вступ. ст. и слов. А.Н. Розова. - М.: Современник, 1991. – 127 с.
70. Сергеева А.В. Русские: Стереотипы поведения, традиции, ментальность. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2004. – 320 с.
71. Слесарева И.П. Изучение типологии ЛСГ / И.П. Слесарева // Русский язык за рубежом. - 1976. – № 1. – 79 – 82 с.
72. Словарь английских пословиц и фразеологических выражений. Смоленск: Русич, 2007. – 560 с.
73. Словарь русского языка: В 4 т. / гл. ред. А.П. Евгеньева; АН СССР, Ин-т рус. яз.. - 2-е изд., испр. и доп. — М. : Рус. яз., 1985. – 431 с.
74. Словарь современных английских и русских пословиц и поговорок. Самара: Парус, 2009. – 120 с.
75. Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи. М., 2008. 286 с. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции / А.Е. Супрун // Вопр. языкознания, 1995. – № 6. – 17-30 с.

76. Тарасов Е.Ф. Язык и культура: Методологические проблемы // Язык-Культура-Этнос. М.: Наука, 2011. – 29-38 с.
77. Тарланов З.К. Язык и культура: Учебное пособие по спецкурсу / З.К. Тарланов. - Петрозаводск, 1984. – 104 с.
78. Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. X международная конференция. Москва-Обнинск: ИФРАН, ИЛКРЛ, 1995. – 102-106 с.
79. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Шк. «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
80. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учеб. пособие / С.Г. Тер-Минасова.- М.: Слово / Slovo, 2000. – 264 с.
81. Токарев С.А. Приметы и гадания / С.А. Токарев // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 2009. – 50-56 с.
82. Толстой Н.И. О предмете этнолингвистики и её роли в изучении языка и этноса // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Язык и этнос. Л., 1983. – 181-190 с.
83. Туганова С.В. Синтагматика и парадигматика русских и английских суеверных примет антропологической направленности: автореф. дис. . канд. филол. наук. Казань, 2010. – 24 с.
84. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку / Б.Л. Уорф // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1960. – Вып. 1. – 174 - 175 с.
85. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н.Ушаков.- М. : АСТ, 2006. – 1056 с.
86. Фаттахова, Н.Н. Народные приметы в русском и татарском языках: семантико-синтаксические отношения / Н.Н. Фаттахова. - Казань: Школа, 2004. – 192 с.
87. Фесенко Т.А. Реальный мир и ментальная реальность: парадигма взаимоотношений / Т.А. Фесенко. - Тамбов: Изд-во ТГУ, 1999. – 247 с.

88. Харченко, В.К. Язык народной приметы / В.К. Харченко // Русский язык в школе. - 1992. – № 1 – 78-82 с.
89. Харченко В.К. Язык народной приметы // Русский язык в школе. 2013. – № 1. – 75-78 с.
90. Химулина Т.Н. и др., «В Великобритании принято так» - Ленинград, 1975. – 541 с.
91. Хокинс, Дж. М. Оксфордский толковый словарь английского языка: 40000 ел. / Дж. М. Хокинс. - М.: Oxford: АСТ: Астрель: Oxford University Press, 2007. – 828 с.
92. Христофорова, О.Б. Логика толкований: Фольклор и моделирование поведения в архаических культурах / Ольга Борисовна Христофорова; Рос. гос. гуманитар. ун-т. Ин-т высш. гуманитар. исслед. - препр. изд. - М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1998. – 115 с.
93. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта: Наука, 2004. – 184 с.
94. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 2005. – 160 с.
95. Шахнович М.И. Приметы верные и суеверные. СПб.: Питер 2010. – 190 с.
96. A treasury of New England Folklore. Stories, ballades, and traditions of the Yankee people / ed. By В. А. Botkin. New York: Crown Publishers, 1947. – 934 p.
97. Alexander, L. G. Longman English Grammar / L. G, Alexander. Longman Group UK Limited, 1988. – 374 p.
98. Dolan E. F. The old farmer's almanac book of weather lore: the fact and fancy behind weather predictions, superstitions, old-time sayings, and traditions / E. F. Dolan; foreword by W. Scott. Dublin: Yankee Publishing Incorporated, 1988. – 224 p.

99. Demetrio, J. F. Towards a classification of Bisayan folk beliefs and customs Francisco Demetrio // Asian folklore studies. - 1969. –Vol.28, No.1, – 27-50 p.
100. Dorson R. M. Regional Folklore in the United States. Buying the Wind / R. M. Dorson. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1964. – 574 p.
101. Dundes A. Analytic Essays in Folklore / A. Dundes; ed. By K. M. Dorson; University of California, Berkley, California, Mouton. The Hague. Paris, 1975. – 88-94 p.
102. Encyclopedia of Magic and Superstition. London: Octopus Books Limited, 1974. – 253 p.
103. Folklore and Folklife. An Introduction by Richard M. Dorson. - Chicago; London: The University of Chicago Press, 1972. – 561 p.
104. Freier G. D. Weather proverbs: Scientific explanations show how 400 proverbs, sayings, and poems accurately explain our weather / G. D. Freier.- Tucson: Fisher Books, 1989. – 138 p.
105. Freier, G. D. Weather proverbs: Scientific explanations show how 400 proverbs, sayings, and poems accurately explain our weather / G. D. Freier. Fisher Books, 1989. – 138 p.
106. Georges, R. A. Structural Approach / R. A. Georges // American Folklore: encyclopedia / ed. by Jan Brunwandt; Garland Reference Library of the Humanities Gerald Publishing, Inc. New York; London, 1996. - Vol. 1551. – 691-692 p.
107. Goldsack, J.P. Weatherwise. Practical weather lore for sailors and outdoor people / Paul John Goldsack. - Vermont, USA: David & Charles Inc, North Pomfret, 1986. – 160 p.
108. Hand, W. D. Encyclopedia of American Popular Belief and Superstition / W. D. Hand, D. J. Ward. Berkley: University of California Press, 1994. - Vol. 1.

109. Hand, W. D. Popular Beliefs and Superstition from North Carolina / W. D. Hand // Brown Collection of North Carolina Folklore / ed. Durham, NC: Duke University Press, 1961-1964. - Vol. 6.
110. Hand, W. D. The Fear of the Gods: Superstition and Popular Belief / W. D. Hand // American Folklore / ed. By Tristram Coffin/ III Vioce of American Forum Series, 1980. – 243-255 c.
111. Harland J. Lancashire Legends, traditions, pageants, sports / J. Harland, T. T. Wilkinson. London: Republished EP Publishing Limited, 1973. – 283 p.
112. Harmening, D. Superstitio: Überlieferungs und theoriegeschichtliche Untersuchung zur kirchlichtheologischen Aberglaubensliteratur des Mittelalters / D. Harmening. - Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1979. – 379 p.
113. Henderson W. Folklore of the Northern Counties of England and the Borders / W. Henderson. London: Republished Publishing Limited, 1973. - 344 p.
114. Inwards, R. Weather lore. A collection of proverbs, sayings and rules concerning the weather / Richard Inwards. - London: Senate, Studio Editions Ltd., 1994. – 190 p.
115. Jones, M. O. Folk belief: Knowledge and action / M. O. Jones // Southern Folklore Quarterly. Lexington, 1937-2000. - Vol. 31. – P. 304-309.
116. Knapp M. One potato, Two potato. The Folklore of American children / M. Knapp, H. Knapp. New York; London: W.W. Norton and company, 1976. – 274 p.
117. Longman Dictionary of English Language and Culture / United Kingdom / Longman group UK Limited / Longman House, Burnt Mill, Harlow, Essex, England, 1992. – 1528 p.
118. New Oxford Dictionary of English / Oxford: University Press, 2001. – 2152 p.
119. Radford E. Encyclopedia of Superstitions / E. Radford, M. Radford. - London: Hutchinson of London, 1975. – 384 p.
120. Read C. Man and his superstitions / C. Read // Carveath Read. 2 ed. - London: Senate, 1995. – 278 p.

121. Sloane, E. Folklore of American weather / Eric Sloane. - New York: Hawthorn Books, Inc. Publishers, 1963. – 63 p.

122. Ward, D. J. Superstitions / D. J. Ward // American Folklore: encyclopedia / ed. by Jan Brunwandt; Garland Reference Library of the Humanities Gerald Publishing, Inc. New York; London, 1996. – Vol. 1551. – 692-697 p.

123. Ward, D. J. Weather Sign and Weather Magic: Some Ideas on Causality in Popular Belief / D. J. Ward // Pacific Coast Philology. 1968. – Vol. 3. – 67-72 p.